

В обойме времени
Умар Яричев

ГРОЗНЫЙ

Как оправдать перед лицом природы
Свое существованье на земле?

Кирпич побитый... мусор... горы щебня...

Как будто кто-то землю раскопал -

Воронка взрыва... свет по краю гребня...

- И в эту яму я во сне упал.

Есть лишь координация движенья,

А вот куда идти - я не пойму!

Здесь вместе все - победа, поражение

И горестное вечно - почему?

Мой юный город и мой древний город,

Тебя перемололи жернова Слепой войны...

Растегиваю ворот:

Застряли в горле мертвые слова...

В огнях янтарно-голубого рая

Твои проспекты словно в даль вели...

Ты молча и без стога умираешь

В руках родной истерзанной земли.

Не помнящих ни племя и ни род,..

Служивших Богу, фамильярных с Богом,

Поток греха переходивших вброд.

Прости меня, прости, родимый город.

Конечно, это не твоя вина,

Что в наших душах, словно черный ворон,

Надолго поселился сатана.

Мы, только сами мы, и виноваты,

Что ты, отринув счастья миражи,

Стал капищем растления и разврата,

Безнравственности, подлости и лжи,

И что, кружа почти над каждым домом,

Рекою всех грехов, а не ручьем,

Все мерзости Гоморры и Содомы

Ютились в чреве каменном твоём,

В кровавых язвах, тлеющим пожаром,

По венам грязной плоти кровь текла...

Мне кажется, заслуженная кара

В твоих руинах, Грозный, к нам пришла.

Смердили в норах сот многоэтажек

В угаре адюльтер и алкоголь...

И блуд кровосмешения и... даже

Коран благословенный стал изгой.

И пусть душа горит безмолвным криком,

И дым пожаров застилает даль...

Как это ни кощунственно и дико:

Убитый город, мне тебя не жаль!

Похотливостью низменной ведомый,

Всегда упрямей грешного осла,

Как символ государственной миомы,

Ты, к сожалению, был ковчегом зла...

Как душно мне!.. Расстегиваю ворот...

Выходит, чем-то помогла война!

А может, нет?! Прости, родимый город!.

Пожалуй, это - не твоя вина!

ПРИЗЫВ

И прижмите друг друга к груди.

Нас на этой планете так мало

И так много тревог впереди...

Сквозь фатальную смертную вьюгу,

Проходя и опять, и опять,

Триста лет защищаем друг друга

И не можем друг друга понять...

Поруганья, утраты, усталость...

Вы же всё испытали сполна...

Посмотрите вокруг, что осталось,

Где прошла ураганом война?!

Веру в Бога, единство и верность

Сохранить на сегодня, и впрок

Пусть научит вас этот (не первый,

Может быть - не последний) урок.

Вам ли солнце Ислама не светит,

Словно с берега райской реки?!

Ничего нет безумней на свете

Вам от Бога судьба ниспослала

Шанс надежды на грозном пути...

Опустите, чеченцы, кинжалы

И прижмите друг друга к груди!

* * *

Поэзии войну перекричать Удастся ли?..

У музы голос нежен.

Куда ни глянь - везде войны печать,

И каждый шаг судьбы - не обезврежен.

Безумье! То ли мир сошел с ума?

Мы напрочь потеряли разум что ли?

Да, в нашем сердце поселилась тьма,

И мы достойны самой худшей доли.

Мы (на словах покорные ему)

На деле так обманывали Бога

(Точней, пытались), что в безумья тьму

Он нас швырнул, сказав - вот вам дорога.

Свой грешный путь к вратам земного ада,

К почти непредсказуемой судьбе.

И на меня теперь пенять не надо.

Вы говорите - это от меня?

Да, от меня. Но вы первопричина.

Плохой седок всегда винит коня!..

Невежество, как смерть, неизлечимо.

Вы сами раскололи свой народ

На этих - наших и не наших - этих.

И грозное возмездие встает

Над вами не на том, на этом свете.

Я дал вам два пути: Добра и Зла,

Для выбора из них - могучий разум...

Вы знали, что недобрые дела

Выходят боком в жизни, но не сразу.

Я терпелив!.. И это знали вы.

И милосерден!.. Вы и это знали.

Я из Корана к вам взывал!..

Ослеплены земною суетой

Вы поднимали камень - брат на брата,

И вот сегодня смертною бедой

Вам в сердце смотрит дуло автомата.

Опомнитесь! Настал последний час.

Простите всех, нанесших вам обиду.

Опомнитесь! Я заклинаю вас

Землей Чечни и памятью убитых.

И жить вам раз, и раз вам умирать:

И юношам во цвете лет и старым.

Не торопитесь друг друга карать.

Запомните - моя страшнее кара.

Одумайтесь! Сойдитесь в мирный круг!

За грешность вы платили не однажды.

Спасенье ваше - дело ваших рук.

Я каждому воздам - что ищет каждый.

Одумайтесь!.. Закончен монолог,

Так с нами разговаривает Бог,

Наверно... Только мы его не слышим...

Что выбрать нам под роковой венец?

Мы - между скал, где компас правды нужен.

Здесь Сцилла - ужасающий конец,

А там Харибда - бесконечный ужас.

Чеченцы-братья! Мы не на пиру.

И нас судьба предупреждает грозно.

Мы втянуты в смертельную игру.

Расколы нас не приведут к добру.

Опомнитесь, пока еще не поздно!

ПРОРОК

Немало стран, немало царств на свете.

Мы любим тростниковые ковры.

Мы ходим не в кофейни, а в мечети

На солнечные, тихие дворы.

"Потомки Пророка"

Это было в шестом... давнем веке...

Над камнями струилась жара...

В знойный день у окраины Мекки

Забавлялась игрой детвора.

Был один среди отроков этих

Непохож на других - непосед,

Словно тайна грядущих столетий...

Имя было ему - Мухаммед.

Он лишился отца ещё... в чреве.

В шесть и мать - Аминат - умерла.

Без него бы не быть на генном их древе

Даже листику... что там ствола...

Приближается солнце к закату,

И жара опадает слегка;

Вдруг откуда-то - светом объаты

- Появляются два старика.

И не шли, а парили, как птицы,

А на детских коричневых лицах —

Удивленье, растерянность... страх.

Не спеша, подошли к Мухаммеду,

Положили его на песок,

И один из таинственных дедов

Мухаммеду погладил висок.

Мальчик вздрогнул, расслабился, замер.

Старец торс ему шёлком прикрыл...

И пылающим взглядом... глазами...

Грудь ребёнка, как книгу, раскрыл.

Вынул сердце, погладил... и снова

Положил его мальчику в грудь.

Произнёс: о Аллах! Твоё слово!

Я исполнил свой долг и Твой путь!

Замолчал... по дымящейся ране,

Словно лазером, взглядом провёл...

Даже шрам исчезал, как в тумане...

А над старцем сиял ореол.

Он привстал... и в мерцающем свете,

Как живая, без плоти, душа,

Повернулся к испуганным детям

И потом произнёс, не спеша:

- За присутствие ваше, спасибо!

В тайну эту открою вам дверь...

Передайте Абдул Муталибу[1],

Внук его - богоизбран теперь...

Никогда нерушимая, Богом,

Нам объявлена воля была,

Чтоб очистили сердце пророка

От налёта и скверны, и зла.

И сегодня исполнилось это...

И не люди, а ангелы мы,

Притяжения Веры и Света,

Отторженья Неверья и Тьмы.

Мухаммед - это знамя Ислама

И отныне - Неби и Расул[2].

Он потомок прямой Авраама...

Вам Аллах эту тайну вернул...

Потерявшим надежду и кров,

К грешным людям, на грешную землю,

Он ниспослан Владыкой Миров.

Этот мальчик, отмеченный Богом,

Символ Веры в языческой мгле.

Он - Пророк и печать для пророков,

И последний пророк на Земле.

Бог везде - и в конце и в начале...

Это всё - наяву, не во сне...

Доказательство?! Оттиск печати

Этой есть у него на спине.

Принимайте спокойно, без страха,

То, что видели ваши глаза...

Мы исполнили волю Аллаха

И уходим к себе... в Небеса...

Голубое, густое мерцанье

Появилось откуда-то вдруг...

Два пришельца в туманном сиянье

Заступили в пылающий круг...

Дети видят... прощальную руку...

И затем, без единого звука,

Это облако ринулось ввысь.

Над песками сверкал и метался

Улетающих ангелов свет...

Словно грустный, тревожный завет.

Но зато на земле оставался

Этот мальчик - Пророк Мухаммед!

АБУЗАРУ АЙДАМИРОВУ

Худошав... высок... нетороплив...

Сед, как лунь... Всегда немногословен.

Человек - живой чеченский миф...

Наше достояние и совесть!

Кто не знает, не поймет вовек,

Что вот этот добрый, этот хмурый

И вот этот скромный человек

-Патриарх родной литературы.

Сколько мыслей, сколько грустных дум

Выдадут светло и величаво

Мудрые глаза и яркий ум

В череде времен, событий, лиц,
В дымном шлейфе огненных туманов,
Словно он явился со страниц
Грозных исторических романов...

Десять лет не потушить пожар...
Над Чечней пылает пламя смуты...
Родина в огне... но Абузар
Не расстался с ней ни на минуту!

Только совесть для него закон...
В том порука - мудрость и седины...
Потому, что Родина и Он
Долгом чести слиты воедино!

ДВА БОКАЛА

Бисултанову Магомеду Мухамедовичу

По молодости давней не безгрешен -
Чего скрывать - бывал в хмельном бреду.

Но возрастом и совестью утешен,

С вином и водкой дружбы не веду.

Пишу стихи, хочу творить добро.

Живу и не ищу на солнце пятна,

Учусь ценить молчанья серебро...

Но горизонт сегодня застлан дымом.

День собирает взорванные сны.

А мы живем надеждами былыми -

Итог душегубительной войны.

И как поэту, это все вобравши,

Идти на чей-то непонятный суд,

Когда так много без вести пропавших,

Когда так быстро кладбища растут?!

Нарушить слово не желаю скрыто

И поднимаю горестно свой стих:

Бокал печали - за уже убитых,

Бокал тревоги - за еще живых!

ВРЕМЯ

Другу моему,

Исламу Тарамову

Все больше серебра на голове.

Все чаще грусть звенит листвою медной.

Все реже звезды в росах на траве.

Быстрее век. Загадочнее дали.

Мы в них уходим, как к себе домой...

Союзом из стекла, бетона, стали

Ты освещен, родимый город мой.

Осевших в землю маленьких домишек

(Былому дань), оставив багажи,

Все выше к небу и к рассветам ближе

Ты поднимаешь жизни этажи.

И, с каждым годом становясь мудрее,

Нам только жить и жить... Да вот беда...

Мой лучший друг, как жаль, что мы стареем,

Когда так молодеют города!

ВОПРОС

Вахе Токаеву из с. Гойты

с уважением

Запреты - куда ни взгляну...

Кому я так стал неугоден,

Что мне объявили войну?

Судьба упустила из виду

Призвание, достоинство, честь..

Кем мне, за какую обиду

Объявлена кровная месть?

В свои боевые порядки

Становятся дни и года...

Со мной не играют ли в прятки

Судьба и надежды звезда?

Я, может, один из немногих,

Кто избран в сияние дня...

Куда и какие дороги

Уводят от правды меня?

Каким неземным эпилогом,

В каком неизвестном краю,

Что мне уготовано Богом

В Аду?... или, может, в Раю?

Я искра слепого рассвета,

Душой сгорая и през...

Во мне не осталось ответа.

Я весь превратился в вопрос.

КРИК СУДЬБЫ

По тучам с Эвксинского Понта[3]

Мерцают заката лучи...

Как будто над линией фронта

Взмывают ракеты в ночи.

Глухие и редкие взрывы.

Потом застучит пулемёт.

Пока, как ни странно, мы живы.

Не надо гадать наперёд...

Растоптано светлое знамя...

Куда-то безмолвно кричу:

Не кто-нибудь, только мы сами,

Свою погасили свечу.

В бездонную пропасть раскола

Сползали, цепляясь за тьму.

Ведь слышался разума голос!

Нам разве судьба не кричала:

Не пейте безумья вино.

У пропасти есть и начало,

Но есть и жестокое дно.

Но мы понимать не хотели,

Что ветер нам бурю вернет...

И что не доходит до цели

Идущий спиною вперёд...

Раздумие голову склонит,

От мира укроет глаза...

Как ты обжигаешь ладони,

Мужская лихая слеза?

К земле прикоснёшься рукою,

Посмотришь вокруг - и не рад!

Одно лишь тебя успокоит,

-Что сам и во всём виноват.

Я весь не ухожен, не собран

На самом крутом вираже...

Мы к жизни привыкли недоброй,

Ну, где ты, прямая дорога?

Тебя мы теряли не раз.

Всё лучшее в жизни - от Бога,

Всё худшее, люди, от нас.

Надежды хрустальная ваза...

Скользи по бумаге, перо...

Не весь растеряли мы разум.

Не всё растоптали добро!

ИСПОВЕДЬ СТАРУШКИ

В судный день и да пребудут с нами

И Отец, и Сын, и Дух Святой.

Зданий остовы. Улица Ленина.

Храм Архангела весь побит.

День осенний. В грязи коленями

Одиноко бабка стоит.

Повидавшие виды пимы [4].

И повязан серый платок

До бровей... Проползает мимо

-Помоги, Пресвятая Дева!

Посмотри, что теперь окрест...

Сверху вниз и справа налево

Она истово ложит крест.

-Словно плуг столемешный волоком

Протащили здесь... Ну, взгляни!

Колокольня была и колокол.

А теперь - хоть по нём звони.

Обезумели что ли, люди?!

Иль господь нас решил карать?

Ну подралися в кровь... И будет...

Или надо всем умирать?!

Ох, лихая пора настала.

Потеряли мы хлеб и кров.

Сколько сирот осталось малых?!

Сколько бедных осталось вдов?!

Может надо, пока не поздно,

Мир найти на этой земле,

И начальникам нашим в Грозном,

И правителям, там, в Кремле?

Богородица Пресвятая,

Над людьми нужен глаз да глаз.

Дураков-то везде хватает,

А вот умных - обчёлся враз.

Погляди, порушены хаты.

Возводили с таким трудом!

Потому человек с лопатой

Лучше, чем человек с ружьём.

Сколько нищей вокруг-то голи.

Что же с них, горемычных, взять..

Ты уж церковь-то нашу, что ли,

Помоги возвести опять.

Хворь души - тяжелей увечий

-Будет нас соблазном точить.

Тело мы, поди-ка, излечим,

А вот душу-то где лечить?

Домолилась... Охая, встала.

На лице - тоскливая тень.

А в глазах такая усталость,

Словно этот дождливый день.

- До весны бы хотя дожить!

Видно, миром - и то непросто

Для бабули вопрос решить!

ВЕЧЕР У ПЕЧКИ

Я с каждым днем спокойнее и тише

На склоне жизни, как на склоне дня.

Сажусь у старой печки, чтобы слышать

Беседу грустных мыслей и огня.

Зажгу дрова. Насыплю сверху уголь.

На дымоход потянет смачный дым.

И разгорится огненная вьюга,

Чтоб вспоминать как был я молодым.

И мне казался мир таким огромным,

Загадочным и полным разных тайн.

Но я постиг, что он - простой и скромный,

Зато секретов всяких - через край.

Он жил, наверно, грозно и спокойно

От каверзных премудростей вдали,

Пока в гордыне, ханжестве и войнах

И началось... от сыновей Адама...

Закон меча... пожары... войны... смерть...

Двадцатый век... И атомные шрамы...

И огненных тайфунов круговерть.

Сожженный лес... истерзанные горы...

Сухие русла от убитых рек...

И в нежном доме фауны и флоры,

Как слон в посудной лавке, человек...

А я то что?.. Песчинка океана.

Над нами Бог... И, может, неспроста,

Мне кажется, что прикасаюсь к ранам

Давным-давно распятого Христа.

Услышу стон израненных столетий

Слепым мечом чудовищных идей...

А, впрочем... И сегодня я свидетель

Жестокого безумия людей...

В тени густой полусгоревшей рощи

Мы никогда, наверно, не уснем...

Сажусь у старой печки... Это проще,

Беседовать с задумчивым огнем!

Они уходят, не допев куплета,
Когда в их честь оркестр играет туш.
Актёры, музыканты и поэты -
Целители усталых наших душ.

Игорь Тальков

Пусть намечает памяти сугробы
На то, что было ураганом дней...
Но "самородок" самой высшей пробы
Не скрыть пустым сиянием огней.

Для нас, потомков, а не для кого-то,
Одолеевая быта интеграл,
Поэзию, как мёд в душистых сотах,
Он в разнотравье горном собирал.

И сердцем прикасался к жарким скалам,
Ладонью глядя нежный шёлк травы,
Не поднимая к небесам усталой
В раздумьях поседевшей головы.

Что словно мир и вечна, и стара,
Ему казалась символом свободы
И символом бессмертья и добра.
Свидетель Бог! - своей Чечне любимой
И верою, и правдою служил...
Не потому ли он, такой ранимый,
До наших дней кровавых не дожил.
Поэта сердце пламенем объято,
Чтоб солнцу жизни уступила мгла...
Оно разорвалось бы, как граната,
Собой взрывая легионы зла.
Он и Отчизна - верности пароль,
Как две волны в просторах океана:
Её - незаживающая рана,
Его - неисчезающая боль...
Когда-то в Алхазурово приду,
Усну на волнах солнечного света
И, словно в летаргическом бреду,
Почувствую величие поэта...
Он был одним из лучших сыновей,

И растворился в Родине своей,
Чтоб с нею никогда не расставаться!

ВАЙНАХИ

Саид-Али Мальсагову

Что стало с нами, с нами что случилось?

Когда, куда, зачем нас занесло?

Как будто в пустоте остановилось

Для взмаха отведенное крыло...

Где гордые обычаи вайнахов?

Когда же нас успел попутать бес?

Все доброе возведено на плаху,

В почете - меркантильный интерес.

По выходным - цветут толчки-базары,

Где совесть продается за гроши,

И покупают тряпки (не задаром),

Чтоб обрядить в них нищету души.

О сколько здесь сверканья, форса, блеска

И тканей всех немыслимых цветов!

Здесь только в чистогане слово веско,

Где гордость и чеченок, и ингушек,

Которая от Бога им дана?..

Не за нее ль вайнах готов был душу

Свою .отдать в былые времена?!

Базар... Горянки, жадными глазами

Осматривая вещи все подряд,

Идут в случайные объятья сами -

Ведь в толчее никто не виноват!

А было... было... помнят наши деды,

Когда за прикосание одно

К девичьей чести, предвещаая беды,

По лезвию кинжала алым следом

Струилось крови смертное вино.

А нынче по проспектам и бульварам

Разряженные ярко в пух и прах

Гуляют (а бывает - и на пару!)

С улыбкой горделивой на губах.

И пусть меня простят чеченки наши,

Что гордость ставят выше, чем тряпье,

Не выше, чем достоинство свое.

Не наши ль сестры, дочери и мамы

Забыли кто - они и чьи - они,

И, как "цивилизованные дамы",

Короткой жизни не считают дни.

Для них ничто не значит старших слово.

Им не закон ни пряник и ни кнут.

Для них платок - страшнее, чем оковы,

Поскольку он - "отживший атрибут".

Им нет ни мужа, ни отца, ни брата,

Ни Бог, ни черт им вовсе не приказ...

И будь они правы иль виноваты -

Но скромно в землю не "опустят" глаз.

Неужто в наших жизненных ухабах,

Где тайны не в цене и на виду,

Их идеал - "некрасовская баба",

Что лошадь остановит на ходу?!

Родной язык - для них всегда помеха,

Не в моде и родные имена...

В них вызывает тихий приступ смеха

Они почти забыли голос крови,
Блуждая в ярких закоулках тьмы...
Уж если кто-то в этом и виновен:
Вайнахские мужчины, только мы!
Да, только мы!.. Как любим мы свободу,
Конечно - не для женщин, для себя...
И, радуясь, что нас не старят годы,
Летим куда-то, время торопя.
С опальной мыслью "выведет кривая",
Рискованно играя дорогим,
Своих любящих женщин забывая,
Спешим к таким же... женщинам другим.
На поводу у бренного престижа:
Хороший дом, к нему автомобиль!.. -
На нить судьбы мечты пустые нижем,
Забыв про то, что это - прах и пыль.
Нет, не аскет я и не пуританин,
И жить хочу светло и хорошо,
Без горя и трагичных испытаний,
Но только... с нераспроданной душой.

Как люди все, я был и свят, и грешен,

Соринки не искал в чужом глазу,

Старался ошибаться в жизни реже

И свой сомнений груз в себе несу.

И вместе с вами я (за все в ответе)

Готов припасть у истины к ногам...

Нельзя, наверно, мерить все на свете

На звонкий, но бездушный чистоган.

О атеисты, не судите строго

(Хоть мнение ваше - мне и ни к чему!) -

Семья любая, где не верят в бога -

Ослепший, что идет из света в тьму.

И часто выраженье "слава Богу"

Мы повторяем, видно, неспроста...

Лишь в сердце, что идет прямой дорогой,

Рождаются любовь и красота...

Отцу и мужу путь, конечно, труден

В наш век соблазнов, скачущий в галоп...

Есть поговорка русская, что будет

Приход таков, каков в приходе поп.

Где в каждом слове - истины зерно...

Хоть из избы и не выносят сора,

Сказать необходимо все равно.

И у чеченцев есть свои каноны,

Что создавались много лет подряд:

Старинный свод неписаных законов,

Который называется адат.

Да, он суров и не всегда приятен,

В нем никогда двойного смысла нет;

Не ищет он на солнце темных пятен,

Его менять не может звон монет.

В нем нету фраз витеивато-пышных,

Он прям, как луч, прозрачен, как вода;

Он не был никогда похож на "дышло",

Что поворачивают хоть куда.

В нем зуб за зуб и в нем за око око,

Он не велит за зло добро творить;

Да, может слишком прямо и жестоко.

А как с врагом иначе говорить?!

Опустит и поймет ли заодно:

И что "добро должно быть с кулаками",

И что "добро суровым быть должно",[5]

Суть человека - есть душа и тело,

А жизнь - меж ними вечная борьба;

Душа - исток божественного дела,

А плоть - хранит субстанцию раба.

Добро и зло... и радость или горе...

Святая ложь и правда, Рай и Ад...

И между ними (в их извечном споре)

Стоит, как воин истины, адат.

Надежен он, как рукоять кинжала,

В нем свет и мрак всегда разделены;

В нем виноват, в ком есть коварства жало,

И прав, воистину, в ком нет вины.

В нем уваженье к возрасту любому,

Где б ни был - старшим место уступи.

Идешь на месть - оставь поспешность дома,

И свой клинок - на суд не торопи.

А если кем-то женщина убита,

За это жизнью двух своих джигитов

Поплатится ее убийцы род.

До мщенья не снимать свои папахи

Клялись мужчины, мрачные, как ночь...

Вот так ценили женщину вайнахи -

Мать и жену, сестру свою и дочь.

Их не учили в университетах

Достоинство и честь свою хранить...

Обычаи народа - волны света,

Которые нельзя похоронить.

Обычаи... Без них мы так безлики,

Подобные деревьям без корней...

Любой народ становится великим

Обычаями, мудростью своей.

Разбаловал нас, видно, век двадцатый...

Беспечность... сигареты... и вино...

Да, многое из нашего адата

Забвению сегодня предано.

У некоторых девушек нередко

Забыты гордость девичья и честь,

И юноши, забывшие о предках,

У нас сегодня, к сожалению, есть.

Они не помнят, что они - вайнахи,

Что у чеченцев жив еще адат,

Из совести что надо (не из страха)

Обычаи адата соблюдать,

Что духу должно властвовать над телом,

А вера в Бога, как в ночи звезда,

Что... стариков в дома для престарелых

Чеченцы не сдавали никогда,

Что юноши с законами адата

Считались искренне, не напоказ,

И что горянки-девушки когда-то

Не так доступны были, как сейчас.

Грядущие отцы, не оттого ли,

Когда с адатом каждый был знаком,

От юношей не пахло алкоголем,

От девушек не пахло табаком...

И ценили в женщине при этом

Честь или достоинство ее

Не за дефицитное тряпье,

Не за то, что "де ее родитель"

Обладает властью и мошной...

Нынче, к сожалению (как хотите!),

Мы болеем мерою иной.

Вроде все и есть, а нам все мало!

Где желанья - там покоя нет...

Эх, вайнахи, что же с нами стало

За последних, скажем, сорок лет?

И одеты вроде, да и сыты,

И в кармане не последний грош...

Наша гордость - нами же убита.

Для нее молчанье - в сердце нож.

В жизни опыт воспитанья собран

Мудрыми мужами так давно...

Надо быть не "добреньким", а добрым

К детям... И другого не дано.

Мечем мы и молнии, и громы

В педагогов (что отец, что мать)...

Чад своих - воспитывают дома!

Хорошо бы, коль любая "матерь"

Дома бы изволила сидеть...

Впрочем, на сегодняшней зарплате

Жить труднее, легче - умереть!

Да куда там... С сумкой иль корзиной,

С мыслями "живу, пока я ем",

В поисках всего по магазинам

Мечется родительский тандем.

Нам - пока что - не до жирной каши

(Не убить же истину мечом),

Извините... Но система наша

Тоже виновата... кое в чем.

Вот и суть вам в деле воспитания.

Поиск середины золотой.

Польза или вред образования...

Бездуховность, нравственный застой.

Только - извинит меня читатель -

Даже если помыслы чисты,

Чаще обеспеченные чада

С совестью становятся на "ты".

Недостаток... Он уже испытан

Нами с разных жизненных сторон,

Дома и не дома... А избыток?!

Видимо, губительнее он.

Вот и думай: что же подходяще?

Над душой дамоклов меч висит.

И выходит - "Редьки хрен не слаще" -

Поговорка старая гласит.

Не писать бы век нравоучений,

В позу многознайки становясь...

Только между хамством повеленья,

Уровнем сознания, самомненьем,

Телефоном, вырванным под "корень",

Дорогими креслами в театре,

Что располосованные бритвой,

И окурком, брошенным в газоне,

Женщиной, чье проданное тело

В дьявольских объятьях исчезает,

И душой, где нету веры в Бога

И любви к земле своей родимой,

Уверяю, есть прямая связь!

.....

Я все сказал и отложил перо.

Мои слова - сердечная беседа.

И зло за зло, и за добро добро

Для брата будет пусть и для соседа.

Вайнахи, нам нелегкий путь дала

Судьба многострадальная, былая...

Мы столько в жизни повидали зла,

Что никому его не пожелаем.

Все испытали мы, когда прошли

По воле Бога через "круги Ада..."

И столько горя мы перенесли,

Что ничего придумывать не надо,

Чтоб написать мучительный роман,

Где все от первой до последней строчки

Трагическая правда (не обман),

Судьбой над "и" проставленные точки.

Через года разлуки, через беды,

Не ты ль, вайнах, не растеряв, пронес

Обычаи и прадедов, и дедов.

Любой народ, в любые времена

Терял себя (от сотворенья мира),

Коль старость суетой поражена,

И молодость коль бесится от жира.

Мужчины, вы скажите мне - ну чья

Вина передо мной и перед вами,

Что самый легкий ветер бытия

Легко играет нашими словами?

Где наши корни, те, что нашу жизнь

Питали светом и добра, и веры?!

Наверно, мы от них оторвались.

Во многом потеряли чувство меры.

Себе и всем мы научились врать,

О будущем не размышляя толком...

Пора... пора нам камни собирать,

Которые разбрасывали долго.

Пора освободиться нам... пора...

Не в нашу пользу кончилась игра,

Затеянная сердцем и туманом.

Немало из духовной красоты

Присуще было нашему народу...

А "ложка дегтя" праздной суеты

Пусть не испортит нашу "бочку меда"!

ДРУГУ

Борхаджиеву Хожбаудину

с уважением посвящается

Друзей хороших с дружбой прочной

Сейчас не сыщешь днем с огнем...

Друг друга знали мы заочно:

Он - обо мне, а я -о нем.

Так не хотелось кануть в лету

Почти изгоями судьбы.

Он был редактором газеты,

А я - хотел поэтом быть.

И - слава Богу! - все случилось,

Не все, быть может, получилось -

Зато не канем без следа.

И вихрь мрака, вихрь света

Страницы жизни пролистал...

Я - вроде... может... стал поэтом,

И он - поэтом тоже стал.

Но в этой гонке лет по кругу,

Где бег времен неутомим,

Я приобрел такого друга,

Что сердцу был необходим,

Который стал удачей редкой

За наши долгие года...

С которым я пойду в разведку

В любое время, - хоть куда!

И, словно мудро изучая

Друзей живущих голоса,

Добро и верность излучают

Его огромные глаза.

В их глубину смотрю и верю

В который раз, в который раз...

Меня где примут в трудный час!

В СЕРДЦЕ НАВСЕГДА

Не словом легендарного Эзопа

О языке мне хочется сказать.

Как две руки - ни дать и ни отнять,

Два языка - и дороги мне оба.

Чеченский должен знать я.

Нет вопроса. Какой тогда чеченец из меня?

А русский? Русский, словно жизни посох,

В дороге заменяющий коня.

Родимый дом. Знакомый запах хлеба.

Мне на чеченском напевает мать...

А русский? Русский - это просто небо.

Попробуй в небе звезды сосчитать.

Я смешиваю их при разговоре.

Чеченский - он во мне, в моей крови.

А русский? Русский - это жизни море.

Поди-ка ты его переплыви.

А время быстротечное спешит.

Из них я сорок - говорю по-русски.

Уж ты, родной чеченский, не взыщи.

И если, земляка в России встретив,

Родную речь услышу где-нибудь,

Я забываю обо всем на свете,

Уж, русский, ты, пойми, не обессудь.

Как мудрость Волги с юностью

Аргуна Соединились вместе, как строка...

Вы словно свет и солнечный и лунный -

В душе моей два языка.

В КАЮТЕ БАРОНА ВРАНГЕЛЯ

Так давайте же выпьем, друзья,

За успех безнадежного дела.

Ю. Кузнецов

В 1920 г. из черноморского порта Феодосии на пароходе "Имп. Николай II " ушел в эмиграцию последний главком Юга России генерал-лейтенант, барон Петр Врангель.

От усталых пьяных офицеров

На душе и тошно, и темно.

И свеча - последний символ веры -

Генералу очень одиноко.

Взгляд угрюм. Щека - на кулаке...

Даже с китайкой черноокой

В этот поздний час душа в тоске.

За бортом остался берег Крыма -

Хмурая российская земля.

Белопенный след неотвратимо

К той земле бежит от корабля.

Присягать на верность - тоже клятва.

Сам ли царь ее не принимал?!.

Не вперед по курсу, а обратно

Почему ты смотришь, генерал?!.

И молчишь угрюмо почему-то

Над бокалом выпитым до дна.

Капитаном лучшая каюта

Для тебя, главком, отведена.

Только не найти уже покоя

И ничем тревоги не унять...

По глазам холеною рукою

Ты опять проводишь... и опять.

Видно, не забудешь до кончины

Яростных походов по Руси...

Не проси свою судьбу отныне

О реванше... Слышишь?... Не проси!

Револьвер... клинок в ножнах богатых.

Пояс... Газыри из серебра...

Запропали денщики куда-то -

Видно, не найдутся до утра.

То ли в "доску" перепились черти...

Самогон из патоки - не мед!

Извещение в голубом конверте

В Лондон к англичанам не дойдет.

Чемодан из крокодильей кожи...

Обжигает горло хриплый стон...

Разве это на тебя похоже,

Дорогой потомственный барон?!

Над пучиной моря алым маком

Скорбно разгорается заря...

Помнишь, шли твои полки в атаку

За Россию, Бога и Царя?!

Злой и доброй силы - видит Бог -

Для родной истерзанной России

Ты, конечно, сделал все, что мог.

И казачьи сабли ты насытил

Кровью, что краснее кумача...

За окном - луна в туманных нитях,

Словно негасимая свеча.

Голову угрюмого барона

Не упрятать в плечи (от беды),

Где горят на золотых погонах

По три генеральские звезды...

Ах, Россия, гордая Россия,

Чистоту и честь родной земли

В этой необузданной стихии

Сыновья твои не сберегли...

Их отваги горькой не хватило,

Чтобы красный смерч остановить.

Стала преждевременной могилой

Им Россия... Так тому и быть!

С Родиной судьбу свою деля...

Казачи и Дона, и Кубани,

И да будет пухом им земля!

Ах, Россия, старая Россия,

Ты не станешь той, какой была.

Над тобою тучи грозовые,

По тебе звонят колокола.

И мечи куют, а не орала,

Сыновья твои на смертный бой...

Ты на откуп почему вандалам

Отдана жестокою судьбой?

Жгли они тебя и истязали,

Брали и за горло, и "в штыки".

А свободу-матушку распяли

На голгофе звезд большевики.

Не залечит время эти раны...

Господи, спаси и сохрани

И твои порушенные храмы,

И лампад священные огни...

Генерал встает, вздохнув устало,

Рассветает... И зарею алой

Все иллюминаторы горят.

Дышат яростью морские воды...

В черном небе - туч неровный строй,

И кипит волна за пароходом

"Император Николай Второй".

В этой необузданной стихии,

Сделав для Отчизны все, что мог,

Ты уходишь, уступивший силе.

Пусть тебе, барон, поможет Бог!

И сейчас, когда уже понятно,

Что войну свою ты проиграл,

Не вперед по курсу, а обратно

Почему ты смотришь, генерал?!

АЛЛЕРГИЯ

За спиной, у плеча, на боку...

Где ни глянешь - стволы автоматов..

Видеть я их уже не могу,

Словно символ, судьбою проклятый.

И пугающий визг тормозов,

С минарета молитвенный зов,

Словно шорох за волнами шторма.

На увесистый вид кобуры,

Словно скрежет зубов, аллергия...

Эх дожить бы, мой друг, до поры,

Где порядки-то будут другие,

Где "кулак" - не хозяин тайги

И совсем не в чести подхалимы,

И где в душу не хлещет "Беги!" -

Штурмовик, проносящийся мимо.

Позабыто, почти как туман,

От цветов расписная лужайка...

Весь в серебряном вихре фонтан...

И девчонок веселая стайка,

И беспечный рассвет...

А пока Ночь удушлива запахом серы...

И, подобно железным жукам,

В переулках гудят БэТээРы...

Хмурый полдень болезненно сер

И, подобно живой метастазе,...

Среди грустных развалин оазис...

Я сюда в золотом полусне,

Как в разбитую каменоломню,

Прихожу, чтоб забыть о войне,

Ухожу, чтобы вновь ее вспомнить,

Ухожу, чтоб вернуться опять

В эту точку больного покоя,

Где уже ничего ни понять...

Так слезу вытирают рукою...

Я безмолвно в пространство кричу -

Соучастья закон - непреложен!

Не давайте, о люди, мечу

Выползать из убийственных ножен.

От раздумий никак не усну,

И усталую душу волную...

Дети в детстве играют в войну,

А когда вырастают - воюют.

С этой истиной лично знаком

(Был и я босоногим у "мамки")...

Лучше, если играют с песком

АНАЛОГИЯ

Я похож на дневную пичугу,

Что совсем заплутала в ночи,

И дорогу к покою, сквозь смертную вьюгу,

Не отыщет - кричи, не кричи!

Я похож на спокойного зверя,

Чья стезя - травоядный удел...

И не так уж, конечно, уверен и верен,

Что дорогу судьбы проглядел.

Я похож на пугливую рыбу

С золотым на спине плавником,

Что от донного взрыва придавлена глыбой

И засыпана черным песком...

Эх! Уйти от безрадостных дел бы!..

И от зла всех людей оградить...

И вот только поэтому я так хотел бы

На себя самого походить.

Ощущение тени неведомо...

И, наверно, поэтому, только поэтому

Нами ценится оригинал!

Укрыть лицо под маской кислорода...

Смотреть в дымозащитные очки...

Мой Отчий край, весь, на корню, ты продан

Кому и где с корыстнейшей руки?!

Куда ни глянь - периметром из дыма

Горящей черной нефти окружен,

И неухоженный, и нелюдимый,

Растоптан, разворочен и сожжен.

По уголкам планеты раскидала

Судьба твоих сынов и дочерей...

И память бродит меж руин устало

По "улицам разбитых фонарей".

Твои надежды спазмами скрутило...

Прости, что я не смог тебя спасти!

В земле так много стали и тротила,

Что вряд ли зерна смогут прорасти.

Смотрю, смотрю вокруг - мороз по коже!

В засохшем горле - пламени комок...

Мой Отчий край, тебе поможет Бог! БОГ ПОМОЖЕТ

Укрыть лицо под маской кислорода...

Смотреть в дымозащитные очки...

Мой Отчий край, весь, на корню, ты продан

Кому и где с корыстнейшей руки?!

Куда ни глянь - периметром из дыма

Горящей черной нефти окружен,

И неухоженный, и нелюдимый,

Растоптан, разворочен и сожжен.

По уголкам планеты раскидала

Судьба твоих сынов и дочерей...

И память бродит меж руин устало

По "улицам разбитых фонарей".

Твои надежды спазмами скрутило...

Прости, что я не смог тебя спасти!

В земле так много стали и тротила,

Что вряд ли зерна смогут прорасти.

Смотрю, смотрю вокруг - мороз по коже!

В засохшем горле - пламени комок...

Мой Отчий край, тебе поможет Бог!

МАГОМЕДУ СУЛАЕВУ

Небытие... Базальтовые глыбы

Твои на сердце снова мне легли...

Да!.. Ты ушел... И я опять на дыбе,

Раскинутой от неба до земли.

Июньский день... Весь мир спешит куда-то.

И... некролог в газете (словно бред)!

Чем ярче день, тем горестней утрата,

Мой добрый друг, Сулаев Магомед.

Что сделать?!. Голос твой глухой и ясный,

Безжалостная память, возврати!..

Я знаю: звать тебя - уже напрасно.

Неведомы Всевышнего пути!

Не верится, что нет тебя...

И вроде Ты вышел погулять. Придешь домой...

Поэт не умирает, а уходит

Из жизни - в лоно Вечности самой.

Чтобы сказать последнее "прости"!..

И все же, голос мягкий твой и ясный,

Безжалостная память, возврати!

ИСКРЫ ИСЛАМА

В феврале 1983 г., участвуя в научной конференции в Египте, услышав азан (призыв мусульман к молитве), американский космонавт Нил Армстронг побледнел и сказал: "Этот голос... Это то, что я слышал, шагнув впервые на Луну, отчего у меня побежали мурашки по телу... Я ступил на Луну без молитв, а теперь буду молиться... Можете меня считать мусульманином".

Божественные чудеса. 2001 г. Издательство Ихласс.

Испуская гудящее пламя и дым,

Оглушая окрестности рёвом моторов,

Улетает ракета за утром седым

Из Флориды... в июле... к далёким просторам.

Олдринг, Армстронг и Коллинс - три парня из США...

Пристегнули ремни... в кресла вдавлены плечи...

На космической скорости... и не спеша...

На "Аполло-П" мчатся... на лунную встречу.

Как свинцом, перегрузками тянет ко сну...

После старта не чувствуешь липкого страха...

Через 103 часа мягко сел на Луну

Космолёт в клубах рыжего лунного праха...

До чего ж ты могуч, человеческий разум...

Нилу Армстронгу видится всё, как во сне...

Никогда и никто не ступал здесь ни разу...

- Вы чего замолчали?! - раздалось с Земли.

Напряжение молчания росло с каждым мигом...

Брови Эдвина Олдринга вверх поползли:

-Вижу странный предмет... как раскрытую книгу!

Он на весь горизонт! - и потом замолчал.

Армстронг в их разговор не вмешался, а въехал:

-Эй, Земля, там какой-то протяжный сигнал!

Уберите! Оглохнем! Ну, что за помеха?!

А в ответ из динамика: "Что за абсурд?!"

Да от вас же на Землю идут эти звуки!

Словно что-то читает индус или курд..."

И потом молний треск... или хлопают руки...

Коллинс входит в эфир: "Вижу странный объект!

Что-то я не пойму... НЛЮ это - что ли?!"

Иронично с Земли: "Может, Ноев ковчег

Мифам всем вопреки на Луне быть изволит?!"

-Мы меняем фреканс на различных волнах,..

Но опять "Ашшаду лаа илах иллаллах[6]

Здесь у нас и у вас - два динамика вторят!..

...Возвратились на Землю в урочный свой час...

И прослушали запись... под лунною сферой...

И сказал им учёный-алим, Аль Аббас:

-Это для мусульманина - формула веры.

Время шло... Пролетело четырнадцать лет...

Армстронг как-то в Египет на форум приехал

И... ту самую фразу,.. лучащую свет,

Вновь услышал, протяжно повторенным эхом.

Побледнел и, взволнованно вздрогнув, спросил:

-Это что я за странную музыку слышу?!

В ней чудесные сгустки неведомых сил! -

А призыв муэдзина всё делался тише...

На него удивлённо смотрели глаза

Египтян, ироничных, как лезвия бритвы:

- Армстронг, это не музыка, это азан!

Он всегда правоверных зовёт на молитву!

...Космонавт приподнялся в сияющей мгле...

-Мне теперь никакой проповедник не нужен!

Но по воле твоей на Луне обнаружил!..

В этих каменных джунглях, безбожном краю,

Я не жил - жизнь крошил, как алмазные грани..

И теперь пред тобой в покаянье стою,

Дай мне самое скромное место в Раю...

Покажи милосердную волю твою...

Я уже абдукум[7] и душой - мусульманин.

У меня это первая в жизни глава,

Где животным порывам не следую слепо!..

И, для слушавших всё это, Нила слова

Прозвучали, как гром среди ясного неба...

Нил продолжил: "Всевышний, мне вера твоя

Избавляет и душу, и тело от страха...

В этот мир не пришёл мусульманином я,

Но уйду из него - по дороге Аллаха!.."

Майкл Харт из Америки задал вопрос

ЭВМ - кто же лучший из лучших на свете?!

И компьютер ответил, ответ был непрост:

- Мухаммед - самый лучший на этой планете!

Информацию тестами вводит в компьютер:

ЭВМ продолжала своё повторять:

- Мухаммед-самый лучший из лучших ... по сути!

А иначе, наверно, и быть не могло.

Ну, а если б могло, то и было иначе...

Это наша надежда и вера... и значит,

Что над нами простёрто Ислама крыло,

И алмазные искры оно рассыпает,

Освещая всю душу до самого дна...

Разве это случайно, что, грех искупая,

Вдруг на сердце Армстронга упала одна!

ДУЭЛЬ

...Но ходить по земле среди свиста и брани

Исполинские крылья мешают тебе.

Ш. Бодлер

На санях к месту встречи подъехал.

Шубу скинул... И взял пистолет...

Будет выстрел короче, чем эхо,

И расколет холодный рассвет.

Упадёт и привстанет, качаясь

Но поэта уже отлучает

Смерть от жизни уходом во тьму.

Взор мутится туманной завесой

Пелены недописанных строк...

Холоднее улыбки Дантеса

Леденеет под пальцем курок.

На величье наложено вето.

Гениальность оплатят века...

Хладнокровный убийца поэта,

Как твоя не отсохла рука?!

Словно дикая, буйная сила,

Выползая из чёрных кровей,

Как ты много, Россия, сгубила

Самых лучших своих сыновей.

Ты же знала печали и боли,

Наливая бокалы по край,

Что таланту судьба не позволит

Получить индульгенцию в Рай!

Или слава причиной стала,..

Ослепительным нимбом горя...

Что почти затмевала царя?!

БОЮСЬ

Рука легла на рукоять кинжала,

Меланхолично ярость теребя...

Не забывай, что чей-то - острым жалом

Вот так же взгляд вперяется в тебя.

Откуда это?.. Я тебе отвечу

По праву не за всех или за всех -

Наверно от преданий давних вечен

Детей Адама первородный грех.

О, этот грех, оставленный когда-то

Печалью предков в глубине веков,

Готов обрушить расщеплённый атом

На головы людей - из облаков!

Выходит - все идеи мира вдали,

И нам судьба хрипит - лицо к лицу,

Что разум движется не по спирали,

А замкнутому жуткому кольцу.

Нам не уйти от тысяч звёздных глаз...

Боюсь: однажды мудрая Природа,

Как злую плесень, уничтожит нас!

БУДЬ БЛАГОРАЗУМНА

Милая, не целься слишком метко.

Гордости обманчиво вино...

Не играй с любовью, как в рулетку,

В жизненном коварном казино.

В жизни нервы надобны стальные...

Выбор на две части раздели:

Я - и все мужчины остальные,

Плюсы все и минусы земли.

В этом мире правды и обмана

Все подобно карточной игре.

И бушуют чувства-океаны,

Словно все инстинкты в дикаре.

Ничего не спрячешь, не положишь

Под сукно зеленого стола...

Как всегда, не всю колоду тоже

Каждый гипнотическим удавом

Смотрит на других, как взаперти...

Но от превентивного удара

Удается не всегда уйти.

Будь благоразумна... Ты же знаешь,

Туз не уступает королю...

На меня поставь - не проиграешь,

Потому что я тебя люблю!

* * *

Бывают в нашей жизни дни,

Бывают в нашей жизни ночи...

Они - мгновения короче

И - вечности самой сродни.

Они - как первых звезд огни,

Горящих в бездне многоточий,

Всегда несбыточность пророча

Двух слов - Спаси и Сохрани!

О, счастья призрачный паром...

Надежды слишком зыбки нити..

Покинув мир, как щедрый дом,

Успел ли истину (спросите)

Оставить за своим пером!?

БЫТ И Я

Два - на метр коридор... окошко,

"Прометейка" старая в углу...

Чешую рыбьей грезит кошка...

Таракан гуляет по столу...

В комнатухе тесной две кровати...

А за ними - беженцев узлы.

Паучок над головой, некстати...

На плите печной следы золы.

Вот он, быт, в своей натуге серой,

Пресной (до оскомины!) на вкус...

Здесь невольно станешь флибустьером,

Если не осилить быта груз.

Но у стенки, светлой дверью Рая,

Шесть моих венгерских полок... книг...

Что-то там шепчу, перебирая

Блок и Белый, Тютчев и Гамзатов,
Лермонтов, Бодлер и Пастернак,
Гете, Фет, Шекспир, Чингиз Айтматов,
Пушкин... Солженицына "Гулаг",
А за ним... не сборник мой, а горе,
Как случайный зритель в их кругу...
Словно пузырек на мертвом море,
Утонуть в быту я не смогу,
К счастью моему.

Закрываю окна, на ночь глядя...

Где-то рвутся мины на земле...

Кто же знал, что окажусь в осаде

Я, Умар, в своем родном селе?!

ВАКАНСИЯ

Г. Эльмурзаеву

Меня мой друг-начальник

Пристроил на работу.

А свыше - упрекнули:

А я смолчал, конечно.

Ну супротив - куда мне!

В мой огород кидают

Заслуженные камни.

Да нет, я не в обиде

За жалкие моменты.

Я знаю, мой начальник,

Он из интеллигентов

Чеченских, настоящих -

Душою всей и телом,

И искренне болеет

За слово и за дело.

В этических интересах

Его скрываю имя...

Мне лучше с ним работать,

Чем отдыхать с другими.

Не хлебом же единым

Живем мы... и - работой.

Поэтому, наверно,

Он терпит стихоплета.

А те, кому, пожалуй,

Стихи - как аллергия,

Другое место ищут

И ценности другие.

А что меня касается -

Скромна стезя поэта.

На гонорары тощие

Не взять кабриолета.

Да и посты высокие

Не часто предлагают.

Лишь друг в моем устройстве

Усилья прилагает.

Я знаю, не привык он

Ко льстивым комплиментам.

Зато не сомневаюсь -

Он из интеллигентов.

Надеюсь, у меня его

Текучка не отнимет...

Мне легче с ним работать,

Чем отдыхать с другими.

А ЕСЛИ?

Был у отца двухгодовалый бык.

Как крот, упитан (на убой кормили).

Смирнехонький (теперь - как подменили).

Хлеб у детей с ладошки брать привык.

Кидается на всех - одна беда!

И трется боком о сарайчик старый.

Сарай - гляди развалится...

Тогда Отец велел позвать ветеринара.

Пришел и, осмотревши бычий бок,

И, покачавши головою немо,

Он помолчал заумно, и изрек:

- Лишай... А по-научному - экзема!

Уже гноится... Черви завелись...

Нет стрептоцида?... Отвяжи, и баста!..

Вон к тем деревьям отпусти... Кажись,

Он там найдет сам для себя лекарство.

Мы прибыли к стволу карагача,

О "пациенте" думая двурогом...

Наш заболевший, изредка мыча,

Потом кататься начал по траве.

Закончил... Сам побрел домой устало...

Не знаю как!.. Через недели две

Болячки на боку - как не бывало...

Мне мысль однажды в голову пришла,

Что мы, все гомосапиенсы, тоже

Такие на земле творим дела...

И на бациллы вредные похожи.

Природа уйму лет, с таким трудом,

Для нас себя кроила... И не жалко?!.

Забыв, что два конца имеет палка,

Подаренный Всевышним чистый дом

Мы превратили в мусорную свалку.

Поэтому сквозь черный мрак вдали

Встают над нами, как предтеча ада,

Семипалатинск в атомной пыли

И выжженная стронцием Невада.

Да что планета?.. На клочке - Чечне

Идет незатихающая битва.

И жуткий к правде путь - острее бритвы.

Природа... У нее немало дел,

Нас, недостойных, чтобы осчастливить..

Терпению любому - есть предел...

Хотя она, как мать, и терпелива.

Не очень весел, знаю, мой рассказ...

Бык излечился... Нам - подумать тема!

А если вдруг она, Земля, от нас

Себя избавит, словно от экземы?!

ВЫБОР

Вахе Нагаеву

Умейте жизнь воспринимать без грима,

Увидев суть в поступках - не в словах.

Разборчивость всегда необходима,

Особенно - разборчивость в друзьях.

Друзей находят не за миской каши,

Не на пиру, не на стаканном дне.

Советчик - разум... Осторожность ваша,

Я думаю, оправдана вполне.

Умейте говорить, умейте слушать,

Внимая сердцу, меньше, чем уму,

А если кто упорно лезет в душу,

Узнайте - для чего?... и почему?

И не надейтесь на судьбу-гадалку.

Приобретают друга не на день...

Не забывайте, что кривая палка

Прямую не отбрасывает тень!

ГЕРМЕНЧУК

Рамзану Ахмарову из с. Герменчук,

другу моему, с уважением посвящается

...Когда Ермоловы приходят,

Кавказ трубит на газават!

И. Минтяк

Что жизни миг и мрак столетий?!

Все это в яви иль во сне?!

Огонь над куполом мечети,

И камни плавятся в огне.

Сражение близится к исходу.

И с хриплым стоном: "Дайте воду!" -

Предсмертно корчатся тела.

Живые заперлись в мечети

(О память, сжался... Не могу!)...

А павшие... При тусклом свете

Они лежат лицом к врагу...

Солдаты вновь готовы к бою...

Но остановит их приказ...

Ты помнишь, небо голубое,

Как за себя стоял Кавказ?!

Ко рту - ладонь в перчатке белой...

И хрипло крикнет офицер:

- Отвага ваша, ваша смелость -

Любому воину в пример!

В канонах логики железной

Всегда жесток закон войны...

-Соппротивление - бесполезно.

Сдавайтесь! Вы окружены!

Вам перед матушкой Расеей

Придется голову склонить!

И мужество врага ценить!

...В окно мечети кто-то громко

Ответит непокорно им:

-Чем заслужить упрек потомков,

Мы лучше заживо сгорим!

-Зачем желать напрасной крови?

Она в достатке пролита...

Не сомневайтесь... ваша совесть -

Перед потомками чиста.

-Нас не пугает смерти чаша!

В суровый и недобрый час

Последнее желанье наше...

Мы об одном лишь просим вас:

Не уступив огню и стали,

И, не предав родной земли,

Чтоб наши правнуки узнали,

Как мы сегодня полегли!

Довольно слов! Пора настала

Закончить бой и нам, и вам...

Где разговор ведут кинжалы,

...Внезапно настезь дверь мечети.

Папахи... пламя... и клинки...

На газават идущих встретят

В упор трехгранные штыки.

И, как посмертная расплата

За то, что их судьба свела,

Смешается: "Ломи, ребята!"

С гортанным криком: "Я-Алла-а!"

Сомкнётся в той неравной сече

Очередной фатальный круг

Истории (еще не вечер!)...

Ты это помнишь, Герменчук!

ГОЛОС РОДИНЫ

В громе песен Отчизны я слышу и голос Чечни,

В трубном зове рассвета родной Ингушетии голос.

Это - горы вздыхают в ущельях туманом речным.

Нефть струится фонтаном из скважин земного раскола

Наш сегодняшний день - продолжение огненных лет.

Пламя волн революций. И мой очарованный дед...

Алхан-Юрт опален языком говорящих орудий...

Шел с кинжалом в атаку... Такому вовек не упасть...

И на сходе аульном сказал, как отрезал, сурово:

- Мне по сердцу она... Подавайте Советскую власть,

Опаленную порохом, озаренную ленинским словом!

Не дожив до победы, погиб, как немало других,

В Алхан-Юртском бою от коварной деникинской пули...

Утро... Берег Мартана... Рассвет и задумчив, и тих...

Зажигает Башлам золотящийся солнечный улей.

Из рассвета в рассвет - в ширь и даль распростерся

Союз, В реку дружбы - Россию - народов потоки вбирая...

Братству этому верность - суровой священности груз

Через жизнь пронесу, никогда и нигде не роняя.

Горы песней откликнутся - сердце, ты только начни!

Так в едином зерне сохраняется вечности колос...

В громе песен Отчизны я слышу и голос Чечни,

И звенящий потоком родной Ингушетии голос.

ГОРДИЕВ УЗЕЛ

с уважением

Самолеты проносятся с ревом,

Взрыв за взрывом у края села...

Бог ты мой!?. От родимого крова

Лишь осталась слепая зола.

И вот это - родные Пенаты?!.
Сделать это и варвар не мог!..

И за что мне такая расплата?..

И за что мне такая расплата?..

В горле холода горький комок...

Как и все, я ходил на работу.

Жил не лучше, не хуже других...

И внезапно невидимый кто-то

Разлучил вдруг со всем дорогим.

Понимаю, что это - от Бога.

Провинился, видать, перед ним.

То ли был в послушанье убогим?!

То ли совестью был негоним?!

Мы не так уж любили (наверно)

На молитвенный коврик глядеть,

В час молитвы, пугливый как серна...

И Всевышний (не власти!) осудит.

С нас он спросит за дело и взгляд...

Да! Политику делают люди,

Зло и благо они же творят...

Дверь, закрытую гвоздиком ржавым,

С холодком на душе отворю...

И чего ж ты, родная Держава,

Гонишь нас к своему алтарю?!

Коль твои мы - то к нашему горлу

Почему ты приставила нож?

Не твои - значит нашу покорность

Ты когда-нибудь вряд ли найдешь!

Разберись! Узел слишком запутан

В кулуарных решениях проблем...

Несолидно, когда с лилипутом

Начинает войну Полифем.

Может миру не нравимся чем-то,

Но поверь, наш великий Сосед,

Нет друзей, что вернее чеченцев,

И врагов, что опаснее - нет!

Забиться в угол и завывать собакой,

Скрипеть зубами, желваки сводя.

И слезно зарычать, а не заплакать,

Вокруг глазами скорбно поводя.

Мутило нас от грешного угара,

И потому - из вечности и тьмы -

Не верю я, что Бог послал нам кару,

Которую не заслужили мы.

Все те, кто чист, закройте плотно двери

Усталых душ... Таков судьбы закон.

Во мне недавно разбудили зверя,

А если точно - сам проснулся он.

Свирепый и зубастый... многогогий...

Из вида не упустит ничего...

Пусть все мои ошибки и пороки,

Всевышний, станут жертвами его.

Он рыком нас потребует к ответу

За подлость, равнодушие и ложь...

В нас столько зла, что наша песня спета,

Ну а добра - всего на медный грош.

За суету, безбожие и зависть,

Коварство... за Гоморру и Содом,

Он, этот зверь, наверно, будет вправе

Нас осудить возмездия судом...

Заря... В окне зарозовели стекла.

Петух предтечей утра голосит...

Я - фаталист... Так где же меч Дамокла

И нитка, на которой он висит?!

ДА!?

Мне кто-то в руки сунул белый флаг...

Кому сдаваться? И зачем?.. Не знаю!

Я отлучен от всех житейских благ...

И на ногу с ноги переминаюсь...

Какого черта? Где я? Что со мной?..

Да что вокруг творится, в самом деле?!.

Был миром - мир, война - была войной...

Но не такие хищные метели,

Где не туман - а дым пороховой,

И правду заменяет ложь... с лихвой,

А доброту - натура печенег...

Вокруг - Гоморра... и отборный мат,

Убийство... Смерть... Да что же это братцы?!

Вы в руку мне не суньте автомат...

А вдруг я передумаю сдаваться!

ДВЕРЬ В СУДЬБУ

Спроси, и я тебе отвечу...

На что? и как?... не знаю сам...

Устал искать я чьей-то встречи

И узнавать по голосам.

Не спрашивай... И так отвечу...

Хотя не знаю - где? кому?..

Какой сырой и серый вечер,

Как свет наложенный на тьму!

Твои вопросы без ответа

Я не оставлю... Что за чушь?!

Кому?... (Когда-то, как-то, где-то)

Я подарил пустыни глушь?!

Все просто - я открыл тебе

Меланхолические двери

В меланхолической судьбе!

ДИАЛОГ

Другу моему, Увайсу Юсупову

с уважением и признательностью

...В августе 1859 года после кровопролитной схватки пала последняя цитадель имама Шамиля -высокогорная крепость Гуниб. Шамиль сдался в плен русской армии. Не пожелавший быть плененным, его наиб - чеченец Байсангур Беноевский, во главе сотни чеченских мюридов, пошел на прорыв тройного кольца царских солдат. Живыми из них вырвалось тридцать... еще в течение почти года Байсангур, подобно раненному барсу, продолжал совершать боевые рейды по Чечне и Дагестану, не давая покоя царским войскам.

Над развороченным Гунибом

Нависла смерти тень... "Имам,

Мы вырвемся отсюда, либо

Умрем, как подобает нам.

Наш дух, не уступавший силе,

Привык в бою свободу брать...

И жить враги нас не учили,

И не научат умирать.

Тропа судьбы для нас все уже

Уходит в ночь из света дня...

К коню привяжете меня...

Позорной смерти трус достоин

Ему не видеть райских врат!..

Пока скакун мой жив - я воин.

Шамиль, веди на газават!

Для нас марчу[8] еще не сшиты!..

Пробьемся сквозь гяуров тьму...

Еще полтысячи джигитов

Послушны слову твоему!"

...К земле опущен взгляд Имама.

Он что-то молчалив и хмур...

"Сегодня светлый меч Ислама

В ножны вложил я, Байсангур".

-Что ты сказал?!. А ну-ка снова,

Коль не ошибся, повтори!.. -

Шамиль в ответ ему ни слова.

А наиб: "Слышишь?.. Говори!"

Лицо Имама посерело...

-Вершишь ты надо мною суд?!

Ведь сам ты знаешь - наше дело

Я просто нужным не считаю

И эти души сжечь в огне...

Сирот уже и так хватает

И в Дагестане, и в Чечне!

На то, наверно, божья воля...

Не спорь со мною - это рок!

... Чеченец зубы сжал до боли:

- Ну как ты это сделать мог?!

Нет, я тебя не понимаю...

Мы двадцать пять нелегких лет

Шли за тобой, не нарушая

Суровой верности обет!

И вот, нелепо так, без боя,

Сегодня, в самый трудный час,

Готовых умереть с тобою,

Имам, ты покидаешь нас!

Шамиль, опомнись!.. Это - слабость!

Готовы к смерти мы. Вели!..

К тебе взывает кровь асхабов[9],

Что в эту землю полегли.

Куда ты?.. Что все это значит?..

Имаму в плен дороги нет!

Шамиль, остановись!.. Иначе

При мне кремневый пистолет.

Клянусь Адамом, что из глины

Был сотворен... Остановись!

Чеченцы не стреляют в спину...

Шамиль, хотя бы оглянись! -

Ответ Имама: "Надо мною

Судьбы знаменье. Я устал...

Тебе, чеченец из Беноя,

Прощаю все, что ты сказал,

За то, что ты сквозь смерти вьюгу

Прошел со мною пламя лет,

За верность и за то, что друга

Надежней не было и нет!.."

...Дымит верхушка минарета.

Пылает солнце с высоты...

-Имам, не струсил ты?.. А это,

Наверно, знают Бог и ты!..

Привязан намертво к коню...

-Мюриды, сам Всевышний с нами!

Теперь уходим мы в Чечню.

И жить и умирать нам с нею.

За мною, волки, на врага!..

Кто честью дорожит своею,

Но жизнь кому недорого!

Внизу нас ждут штыки гяуров!..

...И вот, кинжалы обнажив,

Как барсы, сотня Байсангура

Рванулась, молча, на прорыв...

В последней яростной атаке,

Как искупления волна...

Нет ничего страшней отваги,

Когда она обречена.

Их газават Всевышний примет.

У них другого нет пути!!!

Удастся вырваться живыми

Из сотни - только тридцати...

Плывут багрово облака... Ну что же?!

Плата за свободу

Была от века высока!

ДОБРО

Когда во мне нуждался кто-то,

Я был распахнут, как окно,

И больше жил чужой заботой...

Но это было так давно.

Живу, о прошлом не жалея,

Судьбой сегодняшнего дня

И душу зябкую не грею

У отшумевшего огня.

Рублем не измеряя счастье,

Во лжи и правде зная толк,

Друзьям добро и соучастье

Дарил, а не давал я в долг.

И, видит Бог! - не жду возврата

От них за цену добрых дел...

Я был почти библейским братом

Надеюсь, что когда-то, где-то

Не пропадет мой скромный труд:

Мое добро, как эстафету,

Они другим передадут.

А годы?.. Пусть проходят мимо...

Как говорится - се ля ви!..

Горят в глазах моей любимой

Лучи надежды и любви.

Все люди любят и страдают,

А жизнь порой - такая мгла...

Не верю я, что пропадают

Бесследно добрые дела!

ЖУРАВЛИ

За что и на кого мне быть в обиде?

Отвесить горе на каких весах?..

За эту осень только раз я видел

Усталых птиц, летящих в облаках.

В забытые грядущие метели

Они роняли свой прощальный крик,

И как-то настороженно летели

Куда-то вдаль, на мирный материк,

Где есть покой и не грохочут взрывы,

И гарь не оседает на крыле...

Мне стало одиноко и тоскливо

На этой, вроде и родной, земле,

Где напрочь перечеркнутая память

Закована в железные тиски.

И пашни стали минными полями,

И навсегда убиты родники,

Где мыслями, разорванными в клочья,

Играют все безумные ветра...

В слепой тревоге засыпаю ночью,

Не зная, доживу ли до утра.

За что же стал я жертвою насилья?!

В безмолвном крике разрываю рот.

Как хорошо, что Бог не дал мне крылья,

А может... может быть - наоборот!

ЗАРИСОВКА

Разбитое шоссе... У поворота

На старой тумбе два мальчика сидят.

Постарше -держит ствол гранатомета,

Поменьше - деревянный автомат.

Жмет БТР, разбрызгивая лужи...

Солдаты (федералы) на "борту",

А малышам как раз "противник" нужен

На взрывом искореженном мосту.

Неподалеку кот облезлый дремлет...

А малыши, довольные собой,

Рывком встают и падают на землю,

И начинают свой "неравный" бой.

И, словно их двоих - не меньше роты,

(Позиция - от тумбы до кота)

Бу-Бу-хает труба гранатомета,

И автомат "штакетный" -та-та-та!

Уходит БТР. На передышку

Встают вояки... Можно отдохнуть...

О люди, не к добру, когда мальчишки

Играют в настоящую войну...

На головоньках каски цвета хаки,

Пятнистый френч - двоим напополам..

О малыши, в жестокой, взрослой драке

Пусть никогда не будет места вам!

ЗАБЫТЬСЯ

Эх! Махнуть бы на все... и забыться

В неземном летаргическом сне.

Да душа, как бездомная птица,

Все не может забыть о войне.

Не забудешь печальную прозу,

Не упрячешь от пули висок,..

В состоянии анабиоза,

Словно голову страус в песок.

Лишь надежда, как искорка света,

В глухомани утрат светит мне...

Без нее, как без бронежилета,

Не прожить в этой "мирной"... войне!

ЗАРАТУСТРА И ОХОТНИК

В глухом лесу, в пещере у ручья...

Седой старик сидел при тусклом свете.

На камне рядом - мертвая свеча.

Спросил охотник: "Ты в лесу, в пустыне,

Где нет людей, нашел ли что искал?"

Старик ответил: "Здесь в безлюдной стыни,

Нет злых деревьев и коварных скал!

Я не люблю людей и их сражений.

Теперь мне Бог - и есть сиянье дня,

А человек?! Он так несовершенен...

Любовь к нему убила бы меня".

Охотник снова: "Здесь ты ближе к Вере?!

Или в миру другой дороги нет?!."

- Среди зверей не надо лицемерить! -

Услышал он отшельника ответ.

Охотник: "Ни знакомых! Ни соседей?..

Здесь нищим не помочь совсем, видать..."

В ответ отшельник: "Я не так уж беден,

Чтоб милостыню людям подавать.

Богаче грешный мир от века к веку,

Чем больше узнаю я человека,

Тем искренней животный мир люблю!..."

Охотник встал: "Прощай, святейший грешник.

Ты прав... и потому,, что я не прав...

Бог- он один... и тамошний... и здешний

Для птиц... людей и рыб, зверья и трав!

Ночных небес загадочная люстра

Сверкала звездным золотым огнем...

В пещеру вход... Великий Заратустра...

Смеялся ночью, тихо плакал днем.

Он много дней один прожил в природе,

Там, где никто и никого не ждет... И говорил:

"Кто в мир ни с чем приходит,

Ни с чем, наверно, из него уйдет..."

Как звезды с неба падали мгновенья...

Уродством наполнялась красота...

За мглой веков, на меч похожей тенью,

Кедровый крест Голгофы ждал Христа.

Луна судьбы всходила на востоке...

На волнах таял след кариатид...

This version of Total Doc Converter is unregistered.

В каменоломнях каменные блоки

Усталый раб рубил для пирамид.

Создатель собирает у истоков

Сверкающего разума зерно...

Сойти на землю, быть на ней пророком -

Из миллиарда одному дано!

Горит в ночи загадочная люстра...

За ночью ночь уходит, день - за днем...

Он был пророк, великий Заратустра,

Извечность тайны полыхала в нем.

ЗАЧИСТКА

Данилбеку Тамкаеву

Над миром пасть оскалом хищным

Уже разинула война...

И странно-розовые вишни

Цвет осыпают у окна.

Угрюмый рокот БэТээРа

В проеме сорванных ворот...

Огонь и кровь в рассвете сером...

Стропилы крыши дымятся жарко,

Огонь становится лютей...

От лая хриплая овчарка

Шныряет в поисках людей.

Устало-хмурые солдаты

Ведут зачистку... наповал...

Один из них швырнет гранату

В людьми заполненный подвал...

(В отчет напишут, что сдержали

Атаку целого полка...

Хоть знали - не было в подвале

Ни одного боевика)...

Ворвется в душу грохот взрыва

Горбато вспучатся полы...

Судьба, от Бога ты не скрыла

Свои кровавые узлы.

Ни здесь, в Чечне, ни там, в России.

Жизнь не уходит без следа...

Конечно, дух уступит силе,

Но не смирится никогда!

Усталая осенняя земля

Под серым, хмурым, опаленным небом.

Я на борту (в крушение) корабля,

В одежде ветхой, без воды и хлеба.

Корабль тонет... сел на рифы... течь...

Кричат из переполненного трюма...

Он напоролся на Дамоклов меч.

Оглохли все от суеты и шума.

Какой и чей я искупаю грех?

Разрывов грохот... Рвутся перепонки.

Спасательные лодки - не для всех.

Мне и досталась утлая лодчонка.

Со мной десяток бедолаг...

Во мгле Ни зги не видно за густым туманом...

Вот так всегда, когда на корабле

Собралось слишком много капитанов...

Мой отчий край, родная сторона,

Крушение это - на тебя похоже...

И, видно, смерти счет не подытожен.

На пашне и бурьян, и лопухи,

И зерна пуль, и минные осколки.

Такая грусть, что от глухой тоски

Отсюда с воем разбегутся волки.

За эту Трою на кого пенять?!

И грех Содомы - здесь не будет тяжким.

Не утерпелось - вышел распахать,

Глядишь- и подорвался на "растяжке".

Золою стать в огне кровавых драм

Куда ни шло герою или трусу...

Не докричаться друг до друга нам,

Когда засыпал меркантильный мусор.

Моя строка, как молния гори!

Беду затылком чувствовать негоже...

Поэты - вечно были бунтари,

Им жгли глаза, с живых сдирали кожу.

А мне в отважных, видно, не ходить.

Не выдержу, поди, и легкой пытки...

Невыгодно и трудно буду жить,

Моя земля, святая наша боль,
Соленая от пота и от крови,
Прости нам смуту, выстоять позволь
С твоей судьбою пламенной вровень..

От боли в сердце защемило грудь.
Земля глаза болезненно прикрыла...
Вы только дайте ей передохнуть -
Она сама себя бы излечила!

* * *

Как грустный сон Агаты Кристи
И незаконченный роман,
Нам шлют привет сухие листья,
И нежно ластится... туман.

О чем не думай, что не делай -
Но приговор судьбы суров.
И у предела - нет предела
В любви и вечности миров.

О смертный, с вечностью не спорят!

Вселенная - как море моря,

И ты не есть в нем материк.

Ты - лишь песчинка в сонме истин,

Твой жизни миг - веками сжат...

Послушай, как сухие листья

Тебе загадочно шуршат!

ругу моему, Муцаеву Данилбеку

Ковер свой отдам на съедение моли

И вдрызг телевизор цветной разобью.

С женою рассорюсь в затылке до боли.

Не буду копить на машину свою.

Не стану искать в лотерейных билетах

Пустую надежду. Уйду в сторожа,

А может (надеюсь) в аульном рассвете

Заманит меня полевая межа.

Куплю или просто достану коня я,

За плугом пойду по старинке... всерьез,

Во мрак борозды, неумело роняя

И капельки пота, и капельки рос.

Ты что в архаизмы ударил, браток!..

А мне наплевать... Понукая со свистом.

Веду борозду, как орбиты виток.

И пусть я рекордов не дам в урожае...

На грудь не уляжется золото звезд...

Зато я увижу, как пашня рождает

Из зерен щепоти - пшеничную горсть.

Апреля рассвет недалек и неблизок.

Земля ли - не Ева и плуг - не Адам...

Была - не была!.. Разобью телевизор.

Ковер на съедение моли отдам.

КОСМОПОЛИТ

Во мне живут два человека разных:

Один святой, другой - опасный зверь.

Один мне шепчет: "Люди - все прекрасны

Другой шипит: "Ты никому не верь!"

Всегда со мной они шагают оба.

В них: за добро добро и кровь за кровь.

В одном пылают ненависть и злоба,

Я - пра... пра... правнук Евы и Адама.

Меж мной и ими тысячи колен...

Сверкая, нить судьбы уходит прямо

Из бытия и жизни - в прах и тлен.

Я чувствую, как озверевший Каин

Сквозь тьму веков, подвластный воле злом

Как черный первогрех, заносит камень

Над Авеля спокойной головой.

Что может быть страшнее: брат-на брата!

Потом: за око око, кровь за кровь!

И почему-то нету виноватых,

И переходит в ненависть любовь.

Корана догмы... Библии заветы...

Улыбка сфинкса из глубин веков...

Одни вопросы... Нет на них ответов.

А в небе след невидимого света

От уходящих в вечность облаков.

О люди, разум - как вода живая!

Судьбою нашей стала жизнь сама...

И мы, за все и вся переживая,

И суд всегда пристрастен наш...

О Боже! Уходит крик в ночную темноту...

Ну кто нам в жизни отыскать поможет

Неправоту и нашу правоту?!

Простит ли нам всезнающее небо

(Всем на Земле, из разных вер и стран),

Что мы в погоне за насущным хлебом

И Библию забыли, и Коран?!

* * *

Куда, кому протягиваешь руки,

О память, заплутавшая вдали?!

За время нашей длительной разлуки

Мы больше потеряли, чем нашли.

Пятнадцать лет по яростному кругу

Носило нас безжалостной судьбой,

Но не забыли мы с тобой друг друга,

Любовь не потеряли мы с тобой.

Пятнадцать лет невыносимой разлуки.

Друг другу мы протягиваем руки,

Как будто расставались лишь на миг.

С мгновеньем каждым ты ко мне все ближе

И ничего не понимаю я,

Взволновано гляжу в глаза и вижу:

Чуть-чуть не та,.. и все-таки моя!

И шепчешь мне, прильнув к щеке колючей,

- Я больше не уеду никуда!

Уже нас (кроме Бога) не разлучит

Никто, ничто, нигде и никогда!

ЛУЧ ВО МГЛЕ

Как искусственная глаукома,

Взор туманит болезненный сон...

Олимпийский, до боли знакомый,

Изувеченный микрорайон...

По руинам иду, как по ранам...

От былой красоты - ни следа...

Словно здесь огненным ураганом

Пронеслась Чингисхана орда.

Я подумал, как в мёртвой петле,

Что покоя уже не увижу

На истерзанной этой земле...

Вдруг из здания детского сада,

День январский в весну превратив,

Соловьём... из крошечного Ада

Развернулся лезгинки мотив.

Может, этой мелодии звонкой

Полувью навеян обман!

Но из окон, затянутых плёнкой,

В гулком ритме гудел барабан.

Не сдержался, вошёл... Не поверил!

Словно сердце, кипела гармонь...

Барсы-мальчики, девочки-пэри...

И метался лезгинки огонь...

Что со мною?!. Расширились плечи...

Распрямился!.. и грудь- колесом!

Словно дух мой - не смертен, а вечен.

И поэтому так невесом.

Вот она - вековая примета! -

Чтоб чеченцы не канули в Лету,

Словно искры слепого огня!

Вышел в круг, весь порывом объятый,

На порыве душевной волны,

Словно не было этой, проклятой

И кошунственной этой войны.

Пусть беду не осилить любую,

Пусть надежда порою нам врёт,

Но пока мы поём и танцуем...

Мой народ никогда не умрёт!

ЛЮБОВЬ

Звезда печали и звезда разлуки,

Сверканье молний, золотой туман,

Тропинка счастья, вера без поруки,

Невидимый всеильный талисман.

Свобода сердца (только без простора).

Заря и сумрак, пламя и вода.

Прекраснейший напиток, но который...

Не утоляет жажды никогда.

Тончайший звон хрустального бокала,

Свеча и ветер (по словам Парни).

Лавина, что обрушивает скалы,

И ручеёк в загадочной тени,

И жернов, и касанье плавных линий,

И глубь веков, и сотворенья миг,

Цветы и лёд, песчаный смерч в пустыне,

Дитя вулкана - зыбкий материк.

И эшафот, и дар бесценный Бога,

И призрак счастья в дымке голубой...

Жизнь без тебя - бесцельна и убога,

А жизнь с тобой - пронзительная боль.

И, может, за запретный плод карая,

Архангел, зная каторгу земли,

Закрыв глаза, когда тебя из Рая

Адам и Ева в сердце унесли...

И с той поры тебя мы в сердце носим,

Пока глаза не скроет вечный сон,

Как уголёк, нельзя который бросить,

Хотя ладони обжигает он.

МЕЛАНХОЛИЯ

Когда потерян счет смертям

И стал привычен запах тлена,

Когда готов ко всем чертям

Послать и верность, и измену,

Когда убийственный тротил

Кошунственно похож на мыло...

Но он - тротил, и превратил

В клочки, что бэтээром было...

В упор убитый боевик...

И "федерал" в кровавой каше...

У матерей посмертен крик...

У всех... и наших... и не наших.

Когда вокруг без правил мир,

Когда вокруг - война без правил.

Я стану сам себе кумир.

Я больше ни на что не вправе...

Мой отчий край, земля отцов,

Земля из слез, огня и стона...

Когда же ты, в конце концов,

Быть перестанешь полигоном?!

* * *

Мир сотворен для правды и добра.

Но зло от века совершают люди...

И эта суть, как мир людей, стара

И очень долго неизменной будет.

Скажите, взвесить на каких весах,

Какой объята грустью и тревогой

Зверь на земле и птица в небесах?!

А мы твердим, что мы подобны Богу!

Когда в тумане ранняя заря,

Наверно, людям снится не напрасно,

Что вся печальноликая Земля

Займет однажды место в книге Красной,

И что на грозных времени часах

Отсчитывать последние мгновенья

Зверью и травам, льду на полюсах

И рек прозрачных пенью и кипенью.

Одна экологическая цепь

А мы с ружьем уходим в лес и степь,
Чтоб и Жизнь стрелять, и ставить в нерест сети.

Спаси и сохрани, двадцатый век,
Потомкам этот мир под синим сводом...

О Разум, неужели человек -

Ошибка (гениальная) природы?!

МНЕ ГОВОРЯТ

Мне говорят - не молод ты уже, Умар...

Остепениться не пора ли?

В любовном не смешон ли кураже?

Ведь молодость твою - не обокрали.

С такою откровенной прямотой

На девушек глядишь, идущих мимо...

А я то знаю, с женской красотой -

Красоты никакие несравнимы.

Друзьям с улыбкой отвечаю я:

- Чем надо мной по-дружески смеяться,

Уж лучше б научились вы, друзья,

Их красоту любить и удивляться.

Наверно упустили вы совсем,

В погоне за избыточным достатком,

Что я не напишу своих поэм

Без вдохновенья в этой жизни краткой.

Нас окружает море суеты

И берег увядания и тленья...

А женщины... и дети... и цветы -

Три золотых истока вдохновенья.

И мне упрек ваш кажется предвзят,

Забыли вы (бездушно или вздорно),

Что мне пока - всего лишь пятьдесят

И что "любви все возрасты покорны"!

О женщины, вы - красота земли.

Не зря от века были вам подвластны

И нищие рабы, и короли...

Вблизи люблюсь вами и вдали...

Мои друзья, стараетесь напрасно!

Года уходят, как в песок вода,

А мы ценить мгновенья не умеем.

Шагайте в ногу с юностью всегда,

МОЙ ИДЕАЛ В РУССКОМ...

Я русский бы выучил только за то,

Что им разговаривал Ленин!

В. Маяковский

И был Маяковский советский трибун,

Быком поэзии классовым.

Как в иерихонскую трубу,

Гудел он "русским" в массы.

Ещё он не канул в Лету... вот

(А, впрочем, всё оспоримо...)!

Хоть не был, словно "водопровод...

Сработан рабами Рима".

И мне средь мирских и суетных дел

В сплошной языковой лени,

Не жаль, что в душе его факел горел,

Такой, например, как Ленин.

Кому же задать вопрос-ответ,

Что гению вряд ли страшен:

Разве в мире не рос поэт,

Мальчик кудрявый Саша,

Который очистил русский язык

От затхлости и корявин,

В поэзии всем преподавал "Азы",

Которые дасть был в праве?!

Конечно, Пушкин - сиянье дня -

Увековечен в граните...

Он листиком был живого огня,..

Но в литературе для меня

Идеал другой, извините!

И знаю на опыте лично, что

Добро не выходит боком...

Я русский бы выучил только за то,

Что был освящён он Блоком...

Живи, Поэзия, тысячи лет

В крови и тревогах буден...

Плохих языков и народов нет!

Есть только плохие люди!

* * *

Точнее, я скажу, а ты - послушай.

Мы вместе синим пламенем горим:

Ты - как земля, мы - как тела и души.

Нам, как овце, что в притче,, не везет...

Бедя над нами крылья распростерла:

Заблещь - волк моментом загрызет,

А замолчишь - чабанский нож у горла.

Тревога... неизвестность... мрак и свет.

Здесь - нищие, там - сытость толстосума.

На миг, на день, на десять тысяч лет

Земного ада - хуже не придумать.

Я размышляю... Кровь стучит в висках!

Грохочет смех за перепонкой медной...

Ты, как живая плоть, зажат в тисках,

А я тебе помочь пытаюсь тщетно...

Горячей мыслью, пламенной строкой,

Что сердце наполняет жаркой кровью...

А ты похож на старика с клюкой,

Что заменяет ненависть любовью,

Что помнит обещенную дочь.

Кому и день - не день, и ночь - не ночь,

Закаты чьи с рассветной болью - слиты...

Надежда шепчет-камни... собирай!..

Пир и чума... Псалтирь и Камасутра...

Пока над нами - ночь, родимый край!

Родимый мой, давай дождемся утра!

МЮРИДЫ МАНСУРА

(Ахмеду Хасханову, племяннику

моему, с уважением)

...А мы с коней живыми не сходили

И клятв не нарушали боевых.

Р. Гамзатов

Нет, наши руки не ослабли.

Мы отдыхаем до поры.

А наши кованые сабли

Еще по прежнему остры.

Над нами только власть Имама,

А он - всегда, мы знаем, с нами.

Нам потому неведом страх.

Узнает пусть на самом деле

При встрече с нами вражья рать,

Что мы бояться не умели,

Что мы умели умирать.

Урусы гордые считали, -

Лишь звезды гуще их рядов...

Была работа острой стали

В жестокой схватке у Алдов.

Мы в волны падали с врагами,

И был поток горяч и ал...

Пылала родина Имама,

Горели люди, лес пылал...

Мы здесь, доверчивые, жили

У наших тихих очагов,

Когда пришло в несметной силе

Большое скопище врагов.

И, защищая реки, скалы,

Джигиты наши полегли...

Своей отеческой земли...

И в час суровый, рядом с нами

Когда сражается Имам,

Лицом к лицу сходясь с врагами,

Нельзя оглядываться нам.

Честь и отвагу, как и прежде,

До наших дней мы сберегли.

Ведь мы - последняя надежда

Родной истерзанной земли.

Так знайте же, потомки наши -

Сходясь в предсмертный грозный круг,

Что мы до дна испили чашу

Утрат и боли... горя... мук...

И узнавала в самом деле

При встрече с нами вражья рать,

Что мы бояться не умели,

Что мы умели умирать!

Когда-то предок, словно жребий,

Завет нам высек на скале:

Чем Ад бесчестья на земле!

И наши руки не ослабли.

Им никогда не знать оков...

А наши кованые сабли -

Еще смертельны для врагов!

НА ПЛОЩАДИ СВОБОДЫ

Эхе-хе-хе... Свобода, как мед, -

сказал старый Мату, — из воды еще можно

выбраться вплавь. А из меда - вряд ли!

Размеренно течение лет... и снова

Приходят грозной смуты времена.

И рушатся могучие основы,

За все к ответу требуя сполна.

Наполовину вытянут из ножен

Заждавшийся давно зловецкий меч.

Закон судьбы суров и непреложен -

Надежду от него не убережь.

Перемешалось вихрем все на свете:

Любовь, мечта и страх, и идеал.

И друг - врагом непримиримым стал.

Земля и та, остановив дыхание,

Прислушалась в щемящей тишине

К молчанью звезд... И дорассветной ранью.

Судьбу о мире молит в полусне.

Ей чудится: "Как, люди, вы жестоки!"-

В порывах ветра, словно наяву.

Горит костер и дымчатые строки

В полночный час уходят в синеву.

Ложится тень на каменные плиты

У вечного солдатского огня,

Под грохот слов, где тишина убита

Здесь на глазах у многих... и меня.

А по живому замкнутому кругу

Идут мюриды под глухой напев

Святого "зикра" - ожидая выюгу,

Решительность, отчаянье и гнев.

Наступит утро и через минуту,

Когда погаснет первая звезда,

Исчезнут в переулках навсегда.

Бесследно сгинь бесправие народа,

Как тяжкий сон, приснившийся во мгле,

Но царствуй справедливость и свобода

На всей планете и моей земле.

Победно, под громовые раскаты,

К нам новое приходит не спеша...

Чего же ты сомненьями объята,

Мгновенная и вечная Душа?!

НАДЕЖДА

День и ночь в горах грохочут взрывы,

Пули в рикошет идут от скал.

Ну а горы?.. Как и прежде, живы!

Что для них людских страстей накал?!

Их удел - стоять тысячелетья

(Где законы вечности правы),

Под железо-огненною плетью

Не склоняя гордой головы.

Кто не знает, если знать захочет,

Ни под светлым днем, ни темной ночью

Не живут тщеславие и страх.

Горы можно лишь окинуть взором,

И за дух величья осудить...

Мой народ, и ты, как эти горы, -

Никому тебя не победить!

КОМУ ЭТО НАДО?

Триста лет воюем и воюем...

Бог ты мой! Не надоело вам

Бедами кормить судьбину злую,

Горестно взывая к небесам.

И винить всегда, везде друг друга

В самых смертных, что ни есть, грехах,

И по аду жизни, круг за кругом,

Проходить сомнений смертный страх.

Слепо верить в помыслы благие,

Содрогаясь, словно в жутком сне...

В грозной и безжалостной России,

В озверевшей от войны Чечне.

И какие там благие вести,

Если на фатальном рубеже

Черный груз с печальным шифром "200"

Что-то стал нам слишком по душе.

Если обреченно, без парада,

Так привычно и без громких слов,

Здесь хоронят воинов джихада...

А куда девать сирот и вдов?!

Если все оправдано судьбою,

И в слезах скупых не от того ль? -

Матерей Калуги и Шатоя

То же горе... и печаль, и боль.

На меже незримой баррикады

Друг по другу хлещут волны зла.

Видимо, кому-то это надо,

Чтобы в мире ненависть жила!

МУРАВЬИ

Не выдает природа тайны.

В ней столько нераскрытых сил...

На муравейник наступил.

Раскаянье - не повод плакать,

Они не видели меня.

Страшнее танкового трака

По ним прошла моя ступня.

Но сразу же, без лишней давки,

Работу не оставив впрок,

Они трудились, кто как мог.

А я, как "слон в посудной лавке",

Чуть постояв на редкой травке,

Ушел (под совести шумок).

Рассветом ранним, как Везувий,

Вернулся на "Помпею" я,..

На муравейник этот, все...

А там - уже ни муравья.

Я был никчемный "царь" природы.

Наверно, им пришлось решить,

Что муравьиному "народу",

Пожалуй, лучше - здесь не жить...

Давно замолкли птичьи трели.

Осенним днем, через неделю,

Я вышел в город по делам.

И в клубах пыльного тумана

Увидел лик родной земли:

Как будто орды Чингисхана

Через него огнем прошли.

Куда ни глянешь - слева, справа

Разрушен Грозный и распят...

Как трупы, что одеты в саваны,

Дома высокие стоят.

Не верится, что в мире где-то

Течёт река спокойных дней...

Ушёл бы,., чтоб не видеть это.

Куда же?., я не муравей!

МОЛОДОСТЬ

Магомеду Бакаеву

с уважением

Как хочется счастливым быть веками,

Да время быстротечно - вот беда!

Такими, чтобы - не разлей вода.

Пусть нелегка у нас с тобой дорога.

И если я устану невзначай,

Прошу, всегда иди со мною в ногу

И седины моей не замечай.

Конечно, - "Время даже камень крошит".

Не означает старость - быть седым.

Виски покрылись белой порошей,

А сердце остается молодым.

Пусть вороном кружит судьба слепая:

Над нами властны - Бог и Судный день.

На старость я тебя не променяю,

Так будь мне другом преданным, как тень.

А если все же вдруг осудишь строго,

Печальную обиду затая,

Не торопись (повремени немного)

Со мной расстаться, молодость моя!

* * *

Когда поймешь, что я тобой любим,

Ты станешь тенью мысленного слова

В дыму сомнений между мной и им.

Все то, что было, не теряет цену,

Все то, что есть - нам не дано ценить.

И, не считая свой уход изменой,

Тебе еще придется изменить.

А молодость была, и счастье было,

И был закат единственного дня...

А быть могло б, что ты его любила,

Когда бы замуж вышла за меня.

НА РЫБАЛКЕ

Не торопись! Пусть поведет немного

И, может быть, потом утянет вниз...

Твой поплавок, как нежная тревога

За все, что нам дает сегодня жизнь.

В том поплавке успех и неудача,

Игла сомнений, и везенья миф...

Не проиграй судьбе!.. А это значит,

Чтоб не случилось, помни - все в порядке!

Дороги мира так сложны... Пойми!..

И лишь любовь играть не любит в прятки,

При встрече с ней забрало подними.

Все! Ты спокоен! Слышишь? Слава Богу!..

А если нет, тебя научит жизнь...

Не торопись! Пусть поведет немного,

И, может быть, потом утянет вниз.

* * *

И откуда, скажи мне, откуда

В голове несусветная боль,

Словно пламени желтое чудо

Разъедает белесая моль?

Может это от слов нехороших,

От добра или, может, от зла,

Непосильная верности ноша

В бездорожье мечту увела.

То ли радости, то ли печали

До безмолвия сводит уста.

Вознесенье живого Христа.

Я бы вечно в тщете и обмане

В мир надежды тебя возносил.

Только вот... без твоих ликований

Не хватает пророческих сил.

Так считай же, что я не заметил

Три последние ночи подряд,

Как другой на июльском рассвете

От тебя уходил через сад.

НЕ ВЕРЮ

Не верю ночи я. Не верю дню.

Печальным обещаниям не верю.

К тебе приду, все бросив. Позвоню.

Ты полусонно мне откроешь дверь.

Визитом на заре удивлена,

Ты спросишь, почему пришел так рано..

Должна послушной мужу быть жена! -

Гласит святая сура из Корана.

Бредущий сквозь разлуки в небылое?

Опять гудит сквозняк в ночной трубе

И непонятно шепчет что-то злое.

Ну, что стоишь? От двери отойди.

Дай мне войти... в мою больную душу.

Откуда быть огню в твоей груди,

Когда он мною... мной самим потушен.

Зачем же я напрасно шел сюда

И нес в надежде, сердце не жалея,

Любви сожженной пепел сквозь года,

Где ветер расставанья все развеял!?

ВСТРЕЧА

Как две волны в просторах океана,

Мы во Вселенной встретились на миг.

И проступил из светлого тумана

Твой ставший для меня священным лик

Зачем мне знать на горестной планете,

Какие силы нас с тобой свели.

Благодарю тебя на белом свете

Душа и сердце будут в вечном споре,
Когда в любви так дорог каждый час...

Благодарю за радость и за горе,
Что никогда не покидали нас.

Я должен слышать голос твой певучий,
И голос сердца должен слышать я,
Пока не встал над нами черной тучей
Зловещий Голиаф небытия...

Что с нами станет поздно или рано
Расписано для каждого судьбой...
Как две волны в просторах океана,
На краткий миг мы встретились с тобой.

БАТУКАЕВОИ АСЕ

(Из тейпа Курчалой)

Ты год за годом, дни за днями

Ждала загадочно меня,

Как солнца луч за облаками,

Как отблеск звездного огня.

К тебе без дела и по делу

И ничего, как кроме тела,

В тебе увидеть не смогли,

Ни красоты твоей душевной,

Ни серых с поволокой глаз,..

Где плавилась любовь и ревность

В кипенье нежности и ласк.

И только я, почти с порога,

В твой полукняжеский удел,

С такой надеждой и тревогой

Все это скрытно разглядел.

И понял я чутьем поэта:

Навек свела одна тропа

Две половины от монеты

Со странным именем судьба!

НАУКА ЛЮБВИ

Невыметенный пол в пустой квартире

Колющий лёд сомнений... Жар в крови

Наверно, нет такой науки в мире,

Чтоб научить премудрости любви...

Любовь!.. Её так просто не опишешь.

Она - как бриллиантовая брошь,

Как музыка, которую не слышишь,

Как крепость, что осадой не возьмёшь.

Ищи её с забралом приоткрытым.

И в светлый час, когда сама найдёт,

Она тебя притянет, как магнитом,

И над тобою солнечно взойдёт.

Она безгрешна, словно лань слепая,

Ответна - мёд, а безответна - яд...

Её не продают, не покупают...

Когда находят - бережно хранят.

Всё забывая в вихре нежной муки,

Я сам себя учил с любовью жить...

Не потому ли в мире нет науки,

Что учит ненавидеть и любить!

МОНОЛОГ ВДВОЕМ

Не мы себя творили сами,

Нимб не пылал над нашим лбом.

Я - был поэзии рабом.

Но каждый раз горело снова,

Как на пожаре старый дом,

Мое серебряное слово

В твоём молчанье золотом.

Мы были верными, - при этом -

В своих раздумьях чисты,

Я - призрачной стезе поэта,

И мудрому молчанью-ты.

И вот теперь на тень бывшего

Судьба поставила печать...

Ты у меня училась слову,

Я у тебя учусь - молчать.

* * *

Мы слишком долго врозь с тобою жили

В соседних селах и в одном краю.

Мы наверстаем то, что упустили,

И мы вернемся в молодость свою.

Я у судьбы просил благословенья,

А ты какой-то эфемерной тенью

Звездой в неясном сумраке плыла.

Сменялись дни, как волны океана.

Метался дух в печали и тоске.

И слишком поздно или слишком рано

Я припадал во сне к твоей руке.

А мир меня не баловал удачей,

И очень редким в жизни был успех.

Да. У творца не может быть иначе -

Я сочетал в себе слезу и смех.

И потому, наперекор утратам,

Был одиноким в гомоне толпы...

И лишь в одно, в одно я верил свято,

Что ты придешь велением судьбы...

Законы жизни остаются в силе.

Моя судьба жила в родном краю...

Мы наверстаем то, что упустили,

И мы вернемся в молодость свою!

ПАРАДОКС

Не назначай мне ласковые сроки,

Не измеряй разлуки серой дни...

Моей надежды золотые строки

Листками старых писем сохрани.

Ну кто тебе сказал, что мы устали,

Что жизнь прошла и что любовь ушла..

Еще рванутся нам навстречу дали

Откосом самолетного крыла.

И трелью соловьиного рассвета

Еще не раз обманут ночи нас...

Все это будет... Да. Все будет это,

Когда настанет нашей встречи час.

И жизнь, как море, зарокочет глухо,

Играя дымнопенною волной...

Ну а пока... задумчивой старухой

Покашливает старость за спиной.

* * *

Петухам не спится, как и мне.

Я пишу. А им-то что не спится?!.

Что-то необычное приснится.

Незаметно так подкрался сон,

Как заката тени к перевалу...

Но все тот же петушиный звон

Не дает уснуть душе усталой.

Чувствую, дела мои плохи.

Голову упрячу под подушку.

Ну ни черти, что ли, петухи?!.

А теперь стреляйте хоть из пушки!

Знаю же, что снова, в пять утра,

Я проснусь от этих "серафимов"...

Видно для поэта и... пера

Петухи почти необходимы!

ПОДРУГА

Ф.К.М.

Год пролетел быстрее, чем минута.

Живых мгновений утекла вода.

В больной душе осталась только смута.

Надежды тихой не горит звезда.

Ночь за окном и снег в сыром тумане.

В холодном доме не погашен свет.

Сиянье лампы сердце не обманет.

Нет в жизни счастья. Не было и нет.

Мы десять лет шли по одной дороге.

Не знал - в засаде нас судьба ждала.

Все радости мои и все тревоги

Любимая с собою увезла.

Твой лук и стрелы, легкокрылый мальчик,

Амур, пробили сердце мне не раз!..

Я остаюсь. Ты уезжаешь в Нальчик.

Вот и настал разлуки светлый час.

Растерян. Ничего не понимаю.

Что было, то ушло, а впереди

Закрыты двери голубого Рая

И чей-то голос слышится: "Не жди!"

Я буду ждать на зло разлуке лютой

И верить, что судьба не все взяла,

Что жизнь моя - всего одна минута,

Но ты в ней целой вечностью была!

Мы очень разные с тобой,
И каждый в чём-то одинаков...
Схожденье мнений - тоже бой,
Но первым - кто пойдёт в атаку?

Ворвётся чувства ураган,
Когда нарушена граница...
Любовь разденется блудницей -
И совесть падает к ногам.

Куда, зачем и почему?..
Ворвётся вдруг орда вопросов!
От взгляда, брошенного косо,
В душе уютно не всему!

Душа у безбилетных касс...
Мне, что-то кажется, порою -
Средневековые герои,
Наверно, лучше были нас...

Тогдашний образ героинь,
Наверно, с нравами, без лести,
Для рыцарей был делом чести

А мы, сведённые судьбой

По неминуемому знаку,

Такие разные с тобой,

И каждый в чём-то одинаков!

СЕРДЕЧНОЕ

Как мартовский подснежник в зное лета,

Таинственным началом из начал,

Я не забыл ни школьные предметы,

Ни их математических начал...

Вычитывали, множили, слагали

В серебряном тумане школьных дней.

Все было просто, все мы понимали...

А вот с деленьем было потрудней.

Да! Потрудней... делиться коркой хлеба,

И другу уступить лепешки клоч.

Быть может я и очень щедрым не был,

Но не имел и жадности замок.

С остатком... без остатка... Бога ради!

Делили числа школьные тетради.

Оценки заполняли дневники...

Но, жизнь пересекая, словно поле,

В тщете напрасной годы удержать,

Приходится нередко, как и в школе,

Слагать и вычитать, и умножать.

Три действия встают тройною тенью

Трех слов: Надеюсь, Верю и Люблю.

Но действие четвертое - деленье -

Нигде и никому не уступлю.

Все потому, что в этой жизни краткой,

Где ураган судьбы еще не стих,

Свою любовь земную, без остатка

Я разделил на нас с тобой двоих.

СРАВНЕНИЕ

Меня любить не так уж просто:

Уже немолод и неглуп.

Мои адаты - как короста

Почти иерихонских труб.

Завиден в чувственном огне...

В мой мир нырнешь неосторожно -

Окажешься на нежном дне.

Меня любить?.. Ну что за глупость?!

А не любить совсем - нельзя,

Поскольку глупость - это тупость,

Что в нас живет, в упор разя.

Но, уходя от правды ложной,

Нетрудно истину забыть...

Любить непросто и несложно,

Сложней и проще - верным быть!

УРОК ЛЮБВИ

Мы с тобой поменялись местами...

Я - пылал, ты - была ледяной...

А сейчас золотыми глазами

Так ревниво следишь ты за мной.

От обиды (что некуда деться)

Я не раз тебе ставил на вид:

Разве можно душою согреться

У костра, что почти не горит,

Повторяя в наивной надежде,

Что в душе лишь одна, лишь одна...

Бесполезно!.. Все так же, как прежде,

Словно лед, ты была холодна.

И тогда по горючей неволе,

Чтоб совсем уж себя не терять,

Я душе, сумасшедшей от боли,

Приказал (напока) замолчать.

И свершилось желанное чудо...

Ты, что так равнодушна была

(Сам не знаю - ни КАК, ни ОТКУДА?),

Но ко мне незаметно пошла.

И теперь без единой улики,

Все на той же душевной войне,

В адрес женщин случайной улыбки

Не прощаешь любимому, мне,

И в минуты сердечных раздумий

Так готова в любви заверять...

Видно, Бог меня сам надоумил,

УХОЖУ

Свожу до хруста пальцы...

Снова В душе разлад и неуют.

Куда же ты девалось, слово,

За эти несколько минут?

И жизнь бессмысленною стала

(Кому и что я расскажу?),

Когда любимая сказала

Мне очень просто: "Ухожу!"

Я ревновал тебя... и все же

Не мог на жизненном пути

Предполагать, что это может

Когда-нибудь произойти,

Что я утрачу в самом деле

Тебя на много дней и лет,

Что нашу жизнь судьба разделит

На мой закат и твой рассвет.

Уже разлука где-то рядом

Ждет терпеливо... впереди...

Что ж! Если надо!.. Уходи!

ЧТО С ТОБОЙ?

Нас в этом мире только двое,

Моя родная, ты - да я.

Ну что с тобою, что с тобою,

Любовь последняя моя?

Я уподобился Адаму

И двести лет готов ходить,

Чтоб от судьбы библейской драмы

Обоих нас освободить...

Роди мне Авеля, отрада,

И дочерей - хоть без числа...

Вот только Каина - не надо...

Уж слишком много в мире зла.

Для нас никто не будет лишним,

Вести добру не будем счет.

И, может быть, тогда Всевышний

Обратно в Рай нас заберет?!

На все обиду затая...

Ну что с тобою, что с тобою,

Подруга верная моя?

ЧТО ЭТО?

И словно нет губительной границы

Пусть незабытых, но минувших лет,..

Впряжённых в золотую колесницу...

И слышится далёкое: "Приве-е-е-т!"

И слышится: "Прощай!.."

Я не отвечу Лишь потому, что это - мысль.

Не звук Мне не забыть рыдающие плечи

И скорбный шёпот молчаливых рук.

Я помню гул осеннего вокзала

И ожиданье у билетных касс...

Дым сигареты в тамбуре усталом...

И светофор вечерней мглы угас.

Соприкасанье будущего с прошлым:

И свет, и сумрак, пламя и вода...

Крушение канонов непреложных,

Не первый день в таких раздумьях прожит...

За что горю я в памятном огне?!

И если это - не любовь, то что же

Со мной творится?!.. Подскажите мне!

НЕ ЖЕЛАЮ

Выше всяких постов и высоких окладов,

Выше всех привилегий и грозных чинов,

И бесценнее самой душевной награды,

И желаннее нежно навеянных снов,

Величавее самых торжественных гимнов,

Дорогая Отчизна, молчанье твое...

И твоею дорогою огненно-дымной

Прохожу я печально сквозь смерти жнивье.

И, пытаясь найти свой утерянный берег,

Обреченная, кружишь четыреста лет...

И ночами мне снятся железные звери...

И под траками танка убитый рассвет...

Мысли время - каюр[10] погоняет остолом[11].

Это вам не по снежной лететь целине...

Задыхается поле от нефти и тола,

Умирает распятый цветок на огне.

Ты, наследство от предков моих горевое,

Мне дороже алмазных сокровищ земли...

Мы еще от угроз и звериного воя

Беспощадного рока, Даймохк, не ушли.

Но Отчизны другой все равно мне не надо!

Без тебя не желаю ни радужных снов,

Ни высоких постов, ни высоких окладов,

Ни крутых привилегий, ни грозных чинов!

Нет! Смерть не может быть оригинальной.

Недолог наш людской печальный век...

С такою неизбежностью фатальной,

Отжив свое, уходит человек.

И кажется, что призрачными были

Любовь, Надежда, Верность и Мечта...

Соприкоснувшись с вечностью, застыли

И свет души, и сердца красота.

А в мире, окружающем все это,

Почти не изменилось ничего.

Уходят за закатами рассветы,

Тревожит душу старческая память.

Любимые своих любимых ждут.

И светятся ромашки лепестками,

Гадая, не придут или придут?!

Рождаются и умирают люди

В полоске света, окруженной тьмой... Нет!

Смерть - оригинальною не будет,

Она - начало вечности самой.

НИЩЕНКА

Кто в слепой душе копать станет -

Из миражей дом соорудит...

В центре... у моста... в Урус-Мартане

Нищенка... обычная сидит.

Начинала - кости лишь, да кожа,

Не гнушалась даже пятаком.

А теперь, когда отъела рожу,

И на рубль смотрит бирюком.

Нынче подавайте ей червонец -

етка, видно, заплывла жирком...

This version of Total Doc Converter is unregistered.

Матерный ушат словесной вони

У нее исходит языком.

И не хочет знать совсем, что, может,

Недалеко время на... погост...

Пошлину дерет со всех прохожих...

И приватизировала мост.

Нет! Она не гнет в молитвах спину,

Бога за себя благодаря.

С памятью, такой совсем недлинной,

Можно и пропасть почем - ни зря...

Чье она напоминает рыло?

Морду мне напоминает чью?

Видимо, сердешная... забыла

Нищету убогую свою...

У нее к зароку нету думки

Ни "тюрьмой", конечно, ни "сумой"...

С каждым днем все тяжелее сумки,

Что уносит вечером домой.

- Мост загородивши тяжелой глыбой,

У прохожих, - наглая слегка! -

Из карманов, словно из садка.

Не понять умишкою убогим -

Ум такой к добру бывает лют -

Пусть и ей, но только ради Бога,

Если просит, люди подают...

И однажды... после пива кружки,

Чтобы ей подать пришел сюда...

Не было знакомой побирушки

На обычном месте у моста.

То ли дома мягче стало ложе,

То ли свой набрала капитал,

Или кто-то, может, из прихожих

Вместо рыбы удочку подал...

Но теперь скажу я Вам - без смеха! -

По мосту хожу, как на погост,

Словно милосердию помеха,

Этот самый - скажем, чертов! - мост.

На душе тревоги ветер свищет.

Почему-то грустно стало жить...

Если на земле не будет нищих,

НОВОРОССИЙСК

(Цемесская бухта)

Не причем холода. Ну признайся - не в этом причина,

Что бесстрастно горят фонари на твоём берегу.

Эту тусклую воду, как будто ножом перочинным,

Лунный ласковый луч незаметно рассек на бегу.

Мне б на том берегу отыскать твоё светлое имя

Да по лунной лимонной воде Иисусом пройти...

Пусть глаза говорят и останутся руки немymi...

Почему, так любя, я тебя потерял на пути.

Все теперь нипочем - я бы нанял дежурящий катер.

Это полный серьёз. Да боюсь- моряки засмеют...

Все свежее Норд-Ост над Цемесскою бухтой нехстати,

И качает волна золотые пунктиры кают.

Не причем холода. Это искры по лунному следу.

Поезда от вокзала уходят на том берегу.

Не спеши... В шесть часов эту чертову бухту проеду,

Что нельзя без тебя мне, тебя убедить я смогу.

Нашей тихой беде кроме нас никому не помочь!

Только в жизни моей - я скажу тебе без разговора -

Это самая странная, самая долгая ночь.

* * *

О, если б знать, что делать дальше.

Еще не подведен итог:

Что больше - правды или фальши -

Вместил твоей судьбы челнок.

А жизни вал с годами круче...

Молчи, усталая душа!

Тебя природа вечно учит,

Как месячного малыша.

ОДИНОКОЙ НОЧЬЮ

Стучат часы тревожно и устало.

Ни днем покоя и ни ночью - сна.

Все скомкала в душе и растоптала

Такая непонятная война.

Лишь остается разводить руками,

Я, словно волк, обложенный флажками,

Со всех сторон... Вот и бывай здоров!

Хоть впору выйти к людям, крикнуть - братцы,

В какой пойти за правдой кабинет?!

К высокому начальству не добраться.

Ему же - до меня и дела нет.

Ужели это в яви все - не снится?!

Наверно, хуже не бывают сны...

Махнуть на все! Уехать за границу?!

Там бедолаги тоже не нужны.

Чечня моя, на все твои вопросы

Твое молчанье я истолковал:

- Мой сын, сегодня праздник черной прозы

И пуст (пока) надежды пьедестал.

А времена еще покруче были.

Вставала я из пепла и огня...

Я все перенесу и все осилю,

Но только ты не предавай меня!

Я - мать твоя... И как мне жить без сына?

Во мне - твоих далеких предков прах.

Их башни, возведенные в горах,

И временем размытые дороги,

И в память несожженные мосты...

Печальному исходу и тревогам,

Родимый, верю, не уступишь ты...

...Я вышел в ночь, дождливую, глухую.

Нет света в окнах. Мрачно, как в лесу...

И я имею право на мужскую

Единственную горькую слезу.

Превыше Бога - в мире нету власти.

В чужом краю души не отогреть...

Я безнадежно обречен на счастье

На Родине и жить и умереть!

ОПЫТ

Там, где много оружия - мира не жди.

Не ищи там, где знахарей много, здоровья...

У безликой оравы - не будь впереди,

Полыхание страсти - не путай с любовью...

Пустяками транжирил бесценное время...

И от совести даже, порой, убегал

В словоблудье пустых и ненужных полемик.

Мой товарищ, учись на промашках чужих...

На своих-то, пожалуй, учиться - не гоже...

Мне пришлось горевать на ошибках своих,

Я надеюсь, тебе этот опыт поможет.

ОСТАВЬ

То торжествуя, то горюя,

То упираясь в стену лбом,

Я повторял тебе: горю я

В огне смятенья голубом.

Но ты молчала равнодушно...

Ну, словно в мире нет меня.

А я, своей судьбе послушный,

Жил светом будущего дня,

Приняв неравное сражение,

И с возгласом - за честь вперёд! -

Как взвод, попавший в окружение,

Не знала ты (понятно это!)

В душе, лишь только честь затронь

Чеченского менталитета,

В любом из нас горит огонь.

И что для нас на первом месте

Бог и родители... потом

Вопрос достоинства и чести,

И вот тогда - любовь... без лести

В своём сиянии святом.

Без купленной пристрастной дрожи

И без путанистой змеи,

А на безфешном брачном ложе

Залогом будущей семьи...

Оставь и хитрость, и коварство!

В твоих поступках яд и мёд,

Твоё дешёвое фиглярство

Победу вряд ли принесёт.

ПОДКОВА

Это не придумано... Не ново...

Как-то я нашел в земле подкову,

По весне, копая огород.

Символ счастья... странная загадка...

Заглянула в душу свысока.

И молчала, словно мертвой хваткой

В горло ей вцепилися века.

Сколько же во мраке пролежала?

Может, год! А может, сотни лет!?

Только почему-то грустно стало,

Словно счастья не было и нет.

Символы... приметы... и поверья...

Выброшу!.. На кой мне ляд она!..

Но сосед сказал: "Прибей над дверью!

Может там окажется нужна?!"

Шутку понял я... А как иначе!

И шутливо: "Что же!.. Я возьму

Эту лошадиную удачу!" -

Я сказал соседу своему,

И добавил: "Хочешь?.. Уступаю!..

А сосед ответил, улыбаясь:

-Ты нашел!.. Себе и забери!

Я, конечно, знаю - для поэта,

Что хмельной от лиры - не вина,

Самая хорошая примета

Верная и добрая жена...

Это не придумано... Не ново!..

Убеждаюсь я в который раз...

Счастье не зависит от подковы...

А от Бога... и потом от нас!

ПОЕЗДА

Паровая, иная ли, тяга -

Нет значенья... Стремителен бег...

Я душою, как ветер-бродяга,

Поезда, к вам привязан навек.

Через время, пространство и звуки

И печальным тревожным гудком

Начинается песня разлуки

Перестука колес языком.

Синевой, пролетающей мимо,

В полусумраке в утренний час,

Словно светлое имя любимой,

Повторенное множество раз.

А в душе намечается снова

В суете незаконченных дел

То печальное главное слово,

Что тебе я сказать не успел.

Так же даль сизой дымкой объята,

И мерцает надежды звезда...

Унося чьи-то судьбы куда-то,

Все бегут и бегут поезда.

ПОЛЕТ

Мы летим на Ростов... от Камчатки...

Вот уже и Урал позади...

Лайнер наш затрясло в лихорадке

Так, что екнуло сердце в груди.

Стюардесса, небесная дама,

Сообщила в тревожный салон:

- Успокойтесь! Воздушная яма...

Ей-то просто... осиливать робость

И скользить по небесным волнам,

Ей, привыкшей заглядывать в пропасть

В каждом рейсе... Но только не нам!

Тишина ледяного испуга

Навалилась, как буря на плот...

Но внезапно походкой упругой

Из кабины к нам вышел пилот.

Громко вымолвил: "Да! Не до шуток!

Долетим или вместе умрем!.."

И добавил: "С собой парашюта

Никогда мы в полет не берем!"

Не впервой мы, наверно, летали...

Но, забыв о земной суете,

Почему-то все набожны стали

На ужасной такой высоте.

Очищалась душа понемногу

От грехов, что на сердце легли...

То ли было уж близко до Бога

Но случилось "обычное чудо" -

Приземлился и наш самолет,

Мы почти что забыли, откуда

И куда намечался полет...

Мы о страхе забыли от страха...

От озноба душа отошла,

Словно грозная воля Аллаха

Только в небе над нами была.

Жизнь и смерть по фатальному кругу

Неразлучно крадутся во мгле...

Выбирайте из летчиков друга!

Бога помните - и на Земле!

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Своя рубашка ближе к телу...

Не способ важен - результат...

Так прагматичность надоела,

Что видеть все вокруг не рад.

Пословицы и поговорки...

Ну кто же с ними незнаком?!

Они подобны хлебной корке,

Что в детстве тер я чесноком,

И посыпал крутою солью

(Так аппетитно, не спеша)...

В них радость, смешанная с болью,

И бездуховность, и душа...

Не глупо, а преступно даже,

"Не зная броду..." в воду лезть...

Друг настоящий - правду скажет,

Оставив выгодную лесть.

Без ложного смущенья тени

(Не надо, братцы, ногти грызть)

Я не приемлю изречений,

В которых главное - корысть.

Все то, что выгодно и модно,

Пусть синим пламенем горит!..

Я не люблю, когда "голодный"

Бывает "сытому - не брат!"

А истина (что словно плаха

Не ставит совесть ни во грош), -

Была и есть, и будет ложь.

Опять скребут на сердце кошки,

И душу чем-то обдаёт,

Когда услышу я о "ложке",

Что "горло, коль суха, дерет!"

Мне непонятен жизни фетиш

(Хоть приставляйте к горлу нож),

Где "не подмажешь - не поедешь!"

И где не сеючи - пожнешь.

И пусть их автор - даже гений

(Зачем в сомненье ногти грызть):

Я не приемлю изречений,

В которых главное - корысть.

Но мне (кривить душой не стану)

Близки (и очень), как завет,

Премудрость Торы и Корана,

Библейских заповедей свет.

И эту добрую науку

(Забвению что не предать),

Мы нашим детям, нашим внукам

О хлебе думать и о крове,
(Что было главным испокон),
Твори добро - и весь закон! -
Так уберем из всех пословиц
Весь меркантильный лексикон!

Хоть не всегда виновен жребий
Двух истин, что живут в веках:
Не все добро - журавль в небе,
И зло - синица, что в руках.

А значит - надо повиниться,
Что были слугами рубля...
Не то... в погоне за синицей -
Упустим в небе журавля!

* * *

Пусть сливаются всполохи окон
В полосу золотого огня,
И вагоны, гудящим потоком,
Снова в дали уносят меня.

Поезд мой хоть на час задержи -

Мне вернуться бы в юности город,

Где прозрачнее льда этажи,

Где не выцветет синь голубая

И в мечту поворот за углом...

О, как трудно, в слезах, улыбаясь,

Через память идти напролом!

РАЗДУМЬЯ

Мой брат, вайнах, сегодня трудно нам.

Что делать?! Поднимаемся из мрака.

Идем наперекор крутым волнам,

Как воины, идущие в атаку.

Да. Впереди - непроторенный путь

Идти к далекой, но желанной цели,

И верить, верить вопреки всему,

Что мы увидим свет в конце тоннеля.

Пусть мы идем на яростном ветру

Сквозь мглу тревог, подняв надежды знамя,

Еще повеселимся на пиру,

Вот потому - истории подстать -

Должны осилить мы все наши беды,

Чтоб ржавчине забвенья не предать

Ни наших гордых прадедов, ни дедов...

Имам Мансур, Таймиев Бейбулат,

И Байсангур отважный из Беноя,

И горный барс - из Автуров Ахмад,

И грозный Зелимхан из Харачоя.

Как в синеву вершины наших гор

И как в ущелья пенистые реки,

Их имена, судьбе наперекор,

В сердца вайнахов вписаны навеки.

Вайнах, всмотришь же в самого себя

И сам себя спроси - да я ли это?!

Где честь моя и гордость где моя?

В рутине дней они остались где-то.

И дай, Аллах, чтоб все же ты постиг,

В чем был ты прав и в чем же был не прав ты,

Чтоб научился каждый жизни миг

Ложь и двуличье отличить от правды.

Мой брат, вайнах, давай - себе верны

На все посмотрим вечности глазами...

Мы хорошо и чисто жить должны.

Но это все должны мы сделать сами!

РАСКОЛ

Без единого слова

Я иду по селу,

Поднимая былого

Золотую золу.

Оседают туманы

На безмолвие крыш...

Старый дом, за бурьяном

Ты стоишь и молчишь.

Осыпается известь

С облупившихся стен.

Ветры свищут о жизни,

Грусти ласковый плен.

На скамейке у входа

Сонно жмурится кот...

Этих старых ворот,

И речушки за лугом...

Что же делать, старик,

Если город-ворюга,

И к нему я привык?!

Город - редкая сволочь

Бьет и в темя, и в пах.

От его хлебосола,

Как песок на зубах.

Как огни на фарватере,

На столбах фонари...

Брошу к чертовой матери...

Да уйду в Пулари,

Где борщи - не в столовых,

Не из фляг - молоко...

Где от зерен полову

Отделяют легко...

Только мне не до смеха -

Так за город держусь,

Что пора бы уехать,

СТАРИК

Вот и Бога забыть успели...

Время полдня. Молитвы час.

На бетоне пиджак расстелен...

Совершает старик намаз.

Среди шума, лязга и звона

(Как муслиму велел пророк)

Он неспешно кладет поклоны,

Обратясь лицом на Восток.

Неподвижны глаза и строги.

И подходит намаз к концу...

Под себя калачиком - ноги,

А ладони - поднес к лицу.

У колена серые четки

Молчаливо и тихо ждут...

И слова его к Богу кротки.

Он надеется, что дойдут...

- Наше горе, тяжелым грузом,

О Аллах, образумь урусов!

Образумь и чеченцев, нас!

Было вдоволь воды и хлеба

На чеченском щедром столе.

Под одним же ходили небом,

По одной ходили земле.

Сколько гнева и сколько боли

Испытать ты назначил нам!

О Всевышний, на все твоя воля.

Помоги же твоим рабам!

Мы лукавили и грешили.

То, что было - вряд ли вернуть.

Без тебя мы зло не осилим

И к добру не отыщем путь.

Я уже, как видишь - немолод.

И прощенья жду твоего.

Мой народ - на части расколот.

Собери... и прости его!

Смерти лик и не так уж страшен.

Мне - уже девяносто три...

Примири или убери!

Быть в разладе - это не дело,

Если разум душе велит...

Разве будет здоровым тело,

Голова когда заболит?

Мне в дороге быть - не потеха.

Возраст мой - нельзя обмануть.

Я сюда из Шароя ехал,

Чтоб на город этот взглянуть.

Я на умных людей в обиде...

Ведь должны они были знать...

То, что с болью я здесь увидел,

Лучше б мне совсем не видеть!

Словно трупы, дома остыли.

Горевать не хватает сил.

Сильно мы тебя прогневили,

Если так наказать решил.

Всех виновных вот в этой драке

Положи в железный мешок,

Целый век пусть живут во мраке,

Отягченным неверья грузом,

Нам к спасенью путь укажи...

Накажи виновных урусов,

И виновных нас накажи!

Знаю, в чем-то и я в ответе.

И прошу тебя об одном:

Может муки на этом свете

Ты зачтешь нам на свете Том!?!

СКАЗКА

Пусть пылает в ночи невесомое золото окон.

Снег, слепящий под солнцем, искрится в сиянии дня...

Мне б у старенькой печки присесть, притулившись боком,

И, как в детстве, озябшие руки согреть у огня.

Годы тихо скользят, как под снежную горку салазки,

А накатанный снег в неведении белого сна.

Неизбывно в душе это пламя мучительной сказки

Полыхания радужных елок в сиянии дня.

Выйду в полночи час и по легкому скрипу услышу -

И, кружась, осыпает людей, переулки и крыши

До безгрешности белый, пушистый, задумчивый снег. СЛАВА БОГУ

Я уже перестал удивляться.

Плохо это или хорошо?!

Научись к небесам прикасаться

И надежду измерить грошом.

Словно тонкой серебряной цепью,

Я любовью прикован к тебе...

От нее и оглох, и ослеп я -

И такой благодарен судьбе.

Ненавижу продажные губы

И панели блудящий парад,..

Потому, что тропа однолюба -

Есть дорога в Эдем, а не в Ад!..

Что уводит так просто и скоро

Женщин прямо в постель... от стола?!.

И считает рука сутенера,

Как рубли, проституток тела...

Слава Богу, что я не пригоден

(Вот Аллаху служить - это да!),

В этот мир мы на время приходим.

А уходим - совсем... навсегда!

СЛЕПОЙ

Я был и зрячим... Волей провиденья

Теперь навеки погружен во мрак.

Не вижу птиц, не слышу птичье пенье

И тростью отмеряю каждый шаг.

Мои глазницы - пяточки пустыни

Не в землю, в небеса устремлены.

И в толчее толпы, в бездушной стыни,

Мне снятся нескончаемые сны.

Вокруг меня, все в том же грешном мире,

Агония желаний так сильна,

Что каждый миг, почти в любой квартире

С улыбкой хитрой правит сатана.

Я слеп глазами, но душою зрячий.

Вокруг меня витает много слов...

Здесь просит нищий... там ребенок плачет...

От чести, по неписаным законам,

За добродетель принимая грех,

Мерзавцы легкомысленных девчонок

Уводят, молча, для своих утех.

Для них пустое - строки из Корана...

И им, конечно, просто наплевать,

Что, может, слишком поздно... или рано

Ее найдет заплаканная мать.

Девчонка на углу торгует водкой,

Куда ни глянь - везде: купи, продай.

Там бизнесмен упругою походкой

Идет - собой довольный через край.

А там - хаджи уже охрип, вызывая

К стыду людскому, к вечности души...

А лавочник, купюры разбирая,

Подсчитывает хмуро барыши.

О как я счастлив, чувствуя щекою

Тепло и ласку солнечного дня...

Я знаю: зрячим — я кажусь изгоем.

Вот потому мне все земное ближе:

Любой грядущий день - благая весть.

Я благодарен Богу, что не вижу

В грязи страстей растоптанную честь!

Как ненависть без пожеланья злого

И как любви полынное добро,

Есть золото несказанного слова

И сказанного слова серебро.

Несказанное - значит не услышишь.

Не написать - а значит не прочтешь...

Нет ничего на свете слова выше,

Которое бросает сердце в дрожь.

Есть слово "хлеб" - и сразу запах хлеба,

Есть слово "холод" - сразу холод льда,

Есть слово "синь" - и нежной синью неба

Навечно очарованна звезда.

Любовь и Мать - нет в мире слов священной.

И Родина - дороже слова нет.

Нет проще слов и нет обыкновенней.

В них боль и радость, сумерки и свет.

Как из мартена взят металл, они

В бессмертие уходят, как солдаты,

Которым вспыхнут вечные огни.

СОВЕТ

В пятницу, у небольшой мечети

Я спросил седого старика:

- Как мне лучше жизнь прожить на свете,

Чтоб хорошим быть наверняка,

Чтоб друзьям со мной уютно было,

Говорили: "Ну и голова!"

Чтоб в родном селе за мной ходила

Добрая - заслуженно - молва...

Я увидел странную улыбку

На седом лице... Он произнес:

- Думаю, ты много хочешь... шибко...

По тебе ли этот тяжкий воз?..

Впрочем... пусть по-твоему и будет...

Только Богу верь... Не верь судьбе...

Никогда, нигде не делай людям

И запомни: надо очень долгий

Путь проделать, чтоб хорошим стать...

Даже если рядом воют волки,

Зла не помни... Чти Отца и Мать...

И еще... Ты будешь к цели ближе

(Несомненно, на людском суде),

Если рот, живот и то что ниже

Ты сумеешь удержать в узде.

СПЕЦНАЗ

С искренним уважением

Артуру Ахмадову

Одни глаза. Лицо почти закрыто.

Он выполнить готов любой приказ.

На прочность тела и души испытан.

Название короткое - спецназ!

Закованный в колючую отвагу,

В крутое неуменье отступать,

Его Коран и Библия - присяга.

Команда для него - отец и мать.

Не знает он ни дня, не знает ночи,

И неожидан, словно в небе гром.

Он собран, экипирован и точен,

Когда команда прозвучит: "Подъем!"

Идет на цель бесшумно и беззвучно.

И никаких нет для него преград.

С ним каждую минуту неразлучны

Штык, пистолет, граната, автомат.

Хитер, как змий, как пума, осторожен.

Он может взглядом все сказать без слов...

А в дружбе - неизменен и надежен,

Но он - машина смерти для врагов.

Идущему сквозь стены - нет преграды.

Стекает пот по пыльному виску...

Усталость сводит тело все... Но надо

Готовиться к секретному броску.

ТОСКА

Ни покоя тебе, ни удачи,

Ни колючего слова - прости!..

Весельчак от тоски не заплачет,

Не усядется цапля в болото

Покутить в лягушином раю,

И никто не окликнет кого-то

В полудиком и сонном краю.

Не мелькнет в ослепительном свете

Черных молний зигзаг по глазам...

На рассвете руины мечети

Не разбудит тягучий азан...

И росинки алмазным пунктиром

В кинолентку на память не снять...

Ничего в этой радуге мира

Никогда никому не понять...

Что-то сердце кольнуло... от боли,

Словно птицу, подбитую в лет...

Это все... полоса меланхолий...

Порычит... Покусает... Уйдет.

* * *

У осени печальные приметы.

От нежного задумчивого света

Усталая кружится голова.

Листает жизнь, страницу за страницей,

Невидимая памяти рука. Где явь? Где сон?..

Не отыскать границу.

Течет спокойно времени река.

Но память ничего вернуть не может.

И в этом мире, сотканном из грез,

Нет ничего прекрасней и дороже

Любви неразделенной жарких слез.

УБОГИЕ МГНОВЕНЬЯ

Не война, а суцая зараза...

Ни "туды" тебе и ни "сюды"...

Позабыт экран... и нету газа...

Третий год ни света, ни воды...

Станешь тенью - не успеешь крикнуть,.

Как на мелководье пеликан...

Не могу никак к войне привыкнуть,

Словно рысь, попавшая в капкан.

Словно жизнь разрезали на части,

И на ключья разделили власть...

Господи, какое это счастье,

Даже если лампочка зажглась!

Нету газа, нет воды в колонке,

Света нету... лампочки в пыли...

Те, кто к власти по крови взошли,

До чего же вы дошли, подонки?

До чего ж меня вы довели?!

УЖЕЛИ

Ужели мы растратим снова

Надежды чистые флажки?

Ужели мы утратим слово

Своей магической строки?

Ужель уйдет, как тень от тени,

Любви торжественная нить?

Или придется днем забвенья,

Как золотой разлуки звенья,

Глухой тоской соединить?

И чем-то молодость похожа

Нет! Нас не сделает моложе

(Хотя не день последний прожит)

Бокал французского Аи...

ФОРМУЛА СЧАСТЬЯ

В мире много наук и безвластья и власти,

Человеку, порой, не мешающих жить...

И загадочных таинств... Но формулу счастья

Не смогли даже гении мысли открыть.

Все о счастье на свете по-разному судят:

Для кого-то он миг сотворенья добра

Или встреча с любимой своей... А Иуде

В Гефсиманском саду жадный звон серебра.

А кому-то в бою умирать за идею

Или в кровь расшибить на молитвах свой лоб.

А другому - людей уберечь от злодея,

В бескорыстье - наивнее, чем филантроп.

Категория счастья - загадка земная,

А живёт в небесах, верность Богу храня.

Я считаю, насколько был счастлив, узнает

Мнится счастье одним птицей в огненном свете,

А другим, словно грозно гудящий орган,

Третьим - памятью давних и пыльных столетий,

А другим - невозможной удачи аркан.

Говорят, у Сократа о счастье спросили.

Прозвучало достойно и мудро в ответ: -

Счастье - это не пуши от райских идиллий,

А отрезок судьбы, где несчастья нет...

Тень истлевших веков обнажают раскопки.

Соглашаюсь с тобою, о мудрый старик...

Может, счастье укрылось в две странные скобки

Что всегда называются Вечность и Миг!

* * *

Холодная времени вьюга...

Белесая серая мгла...

Два сердца коснутся друг друга,

Два трепетных жарких крыла.

И молнии краткая вспышка

"Не слишком ли жарко?.." "Не слишком..."

Мне кто-то во мгле говорит:

"Мой друг, твое сердце пылало

Любовью к обычной, земной,

Той женщине... той, что не стала

Тебе, как ты думал, женой".

Ну что я на это отвечу?

И как я на это смолчу?

Упрячу я голову в плечи,

И сердце в печаль заточу.

И все же... чему б не случиться,

Одно я ответить смогу -

В уютной и душной теплице

Не место лесному цветку. ЧЕЛОВЕК ВРЕМЕНИ

Уроки Чингисхана и Тимура

неужто, люди, впрок вам не пошли?

Р. Гамзатов

Ну, прикажи... и я укрою шкурой

По странности стыдливые места.

И грех приму распятого Христа,

Переживу оледенений холод,

Мессины[12] страшный час переживу,

И, вековечный утоляя голод,

Забью камнями мамонта во рву,

И разведу огонь под небом серым

У темных входов каменных пещер,

И к этому огню вдруг вспыхну верой,

Мучительной из всех грядущих вер.

Дымящегося, жилистого мяса

Горелый привкус чувствуя во рту,

Я проведу рукой, как по запасам,

По сытому до завтра животу

И в ярости естественной, без грима,

Приду с мечом, ликуя и скорбя,

Через эпохи на арены Рима

И наступлю, повергнув, на себя...

Я стану зодчим, воином, поэтом,

Создам мечту гигантских пирамид,

Моей спины уже не распрямит.

И одержим чудовищными снами

В безмолвии светящихся ночей,

Сменю в руках удобный плоский камень

На веер термоядерных мечей...

Мы люди, все, наивны, словно дети,

И нам давно... давно понять пора,

Что всем одно на небе солнце светит

И парус полнят всем одни ветра!

Не то - опять сказания и мифы

И вечные сомненья - что тогда?!

Огонь и кровь... и тяжкий путь Сизифа...

Во тьме раскопок давних города.

О Господи, когда же станет ясно,

Дорогу освещая впереди,

Что Данко сердце вырвал не напрасно

Людей во имя из своей груди?!

ЧЕРНАЯ ЗВЕЗДА

(ХАЙБАХ)

НЕ УБИЙ! - заповедь Христа

Светлой памяти друга

моего Зияудина Абдулаева

...В горах Чечни, в местности Нашхо, по приказу чекистского генерала Гвешiani и приспешника Сталина. убийцы народов Лаврентия Берии, были сожжены в старой конюшне более семисот чеченцев: детей, женщин и стариков.

Это место называется Хайбах

Ломается лежалый снег

Под кирзовыми сапогами...

За пламенем закрытых век

В меня печально смотрит память.

И не могу глаза открыть -

А вдруг все это - повторится!..

По стенам черным дым клубится.

В душе (незримая) дымится

Времен связующая нить.

В конюшне старой - два окна.

Точней - два небольших проема.

Пронзительно и незнакомо

Кричит безмолвно тишина.

Солдаты хмурые загнали

В сарай... Но разве жертвы знали?!

Молчит времен немая глушь.

Коварно улыбаясь, им

Велел чекист сложить пожитки

Снаружи... О печали свитки!

Так утверждался третий "Рим".

А офицер НКВД

Советовал охапку сена

Взять каждому с собой - "Ведь стены

В извечной сырости, в воде".

С улыбкою добавил: "Вас

Накормят вдоволь вкусной кашей...".

Коварна у Иуды чаша -

Здесь не поможет божий глас...

Они устало, долго шли

Сюда по тропам каменистым...

И их, доверчивых, чекисты

В конюшню эту привели

Надежен... Снег хрустит в тумане...

У генерала Гвешiani[13]

Не может быть двух разных слов...

И обложили тот сарай

Охапками сухого сена...

Облили керосином стены...

О пламя, веселей играй

И радуй храбрые сердца

Зверей, одетых в униформу...

А пламя, словно волны шторма,

Уходит прямо в небеса.

Как, обреченность, ты слепа...

Заждались хищно пулеметы...

Сломав тяжелые ворота,

Из мрака хлынула толпа.

Огонь метался и гудел.

Стропины ходуном ходили.

Спасть!.. Но горы мертвых тел

Дорогу в жизнь загородили...

Стенанья женщин, детский плач...

Но тех, кто выходил из ада,

В упор встречал свинцом палач.

О память, как, скажи, унять

Боль у смертельной переправы?!

Во имя правды, а не славы,

Тебя забвенье не предать...

Неспешно расстегнув ремень,

Майор снимает полушубок...

Папаху чью-то пнет и грубо

Ругнется матом... и сквозь зубы

Процедит хрипло: "Ну и день!"

Потом на пулеметный ствол

Швырнет небрежно талым снегом

"Что... поработала "телега" На совесть?!

Как на пашне вол!"

Пройдет по "малому" к кусту,

Ремень поправит и погоны -

"Видать немало мы патронов

Сожгли на эту сволоту!.."

...Как ни пытайся - сердца дрожь

Твой, память, раскаленный нож

С меня живьем снимает... кожу...

Пойду исчезнувшей тропой

(На ощупь - раз душа ослепла),

Коснусь растерянной рукой

Несуществующего пепла.

И тяжесть смертной тишины

Почувствую душой и телом...

Заносит, словно снегом белым,

Былое тихий свет луны.

И стынет слово на губах,

Под ледяным дыханьем стынет,

В Чечне, в Нашхое, есть в горах

Дотла сожженный брат Хатыни

(Не угасающий поныне)

Великомученик Хайбах!

ЗОЛОТАЯ КАПЛЯ

Светлой памяти Сагаева Шамсутдина,
друга отца моего и односельчанина,
с искренним уважением посвящается

Седая память, выдай "на гора",
Как глыбы скал, перетирая годы...
Была пора, смертельная пора,
У моего вайнахского народа.

И хоть на миг один восстанови,
Мучительное время, то, что было...
(Дорогу в Ад и в пепле, и в крови)
И дай - перенести все это - силы...

И, вопреки законам бытия,
Вновь оживи моих сестер и братьев,
Идущих в невозвратные края,
Где ждали их могильные объятия...

Они смогли (за совесть, не за страх)
Достоинство и честь хранить при этом...
Вот потому, мой гордый брат, вайнах,
Ты это перенес, не канул в Лету.

В слезинке наны[14], в капле золотой,

Жила беда... и мукою святой

Мне до сих пор она ночами снится.

И скалы время превращает в пыль...

Все на земле свои имеет сроки...

Ручаюсь, что не выдумка, а быль,

О чем сейчас расскажут эти строки...

Сорок четвертый предпобедный год.

Метет февраль в аулах мокрым снегом...

Ветра в дворы врываются с разбега,

Под вой собак мычит печально скот.

Погрузка в "студебеккер..." товарняк...

Семнадцать суток в ледяных вагонах...

Акмолинск... развалившийся барак...

Потом Балкашино... О, время ОНО!

"Отец народов", свой коварный лик

К нам обратив, с портретов щурил веки.

А мы... - коль выживали - то на миг,

А если умирали - то навеки.

Отец и мать... Нас двое малышей,

Не умерших от голода и стужи...

В горячке мать... За дверью вьюга кружит.

Март Казахстана - злее января

Земли вайнахов... такова природа...

И уносила каждая заря

Немало жизней моего народа...

Пришел апрель и в степи Акмолы...

Не изменяя сгорбленной осанки,

С холмов смотрели гордые орлы

На воронье, клевавшие останки,

Останки тех, кто кончил путь земной

В сугробах, у обочины дороги...

И пусть "ничто не вечно под луной"

У жизни и у смерти на пороге...

Но память от судьбы не отделить.

Не вырвать сердце из живого тела...

Дед говорил: "Нам долго здесь не жить!"

Сам Сталин разберет все это дело!"

Чеченец и ингуш! Кавказских гор

Наивные и вспыльчивые дети,

Подписан им... И он за все в ответе...

За летом - осень, а потом - зима...

И вновь февраль колючим белым снегом

Занес по крыши низкие дома.

И ни дымка под серым мерзлым небом.

И вот однажды, в стылый зимний день,

Раздался стук в простуженные двери.

Вошел мужчина, как живая тень,

И ближе к печке сел, еще не веря,

Что он ушел от стужи ледяной...

- Салам алейкум... Гость незванный нужен?!.

Полез в карман и: "Вот... письмо со мной". ...

А вьюга стонет за окном и кружит.

Отец бумажный треугольник взял.

Конверт раскрылся незамысловато.

Ему вайнах неведомый писал:

-Спеши живым застать... увидеть брата

Аси (так звали дядю моего) -

На смертном одре... Нет ни крошки хлеба.

Наполовину вымерло село...

Бездушные законы бытия,

Судьбой распоряжаться вы не вправе!..

Больны и мать, и младший брат, и я...

И знал отец, что не с кем нас оставить.

Но там - Аси... И некому помочь

(Жена и дети без вести пропали)...

День нашей жизни превративший в ночь,

Будь проклят Богом и людьми ты, Сталин!..

Чуть свет, наутро, хмурый Данилбек

Направился в колхозную контору.

И к баскарме[15], отряхивая снег,

Вошел... с нелегким очень разговором

И объяснил... мол, в Богословке брат

В сыпном тифу, и нежилец, наверно...

-Коня бы мне... да сани... Был бы рад...

Дорога там... ну, пару дней примерно.

... Колхозный председатель, Иманкул,

Внимал отцу спокойно, равнодушно.

Дослушал все... Сквозь щелки глаз взглянул

Большим и указательным потер...
На что намек - здесь и козе понятно.
О азиат, как прост ты и хитер.
А впрочем... есть ведь и на солнце пятна.
Нетрудно делать трудные дела,
Когда важнее результат, не способ...
От снегом занесенного села
(В саях - отец и дядя Файзулла)
Помчался конь сквозь ледяное просо.
Казалось - ни начала ни конца.
Снега и степь. Со степью - небо вровень.
От дикой стужи ноздри жеребца
На снег роняли капли алой крови.
Не путь, а ад. Но есть на свете Бог!..
Замерзшие, уже почти к закату
Переступили путники порог
Жилья Аси, двоюродного брата.
В хлопковом масле - ватный фитилек
В картофелине... В плошке из железа...
И до того убогий уголок,

Ни крошка хлеба, ни глотка воды...

И на солдатской старенькой шинели

В углу - Аси... две тусклые звезды

Заместо глаз... Душа - пока что в теле.

Хотел подняться — только хриплый стон.

Кому о смертной "радости" поведать?!

До самого... почти не верил он,

Что Данилбек и Файзулла приедут.

...Буханку хлеба (это целый клад)

Отец достал из рюкзака устало.

И сахара комок. И бросил взгляд

На брата и сказал: "Прости, что мало...".

Аси молчал. А что он мог сказать?

И хлеб, и сахар - роскошь-то какая!

На котелок глазами указать

Он смог. И прошептал: "Стакан бы... чаю".

Переглянулись братья...

Где же взять Здесь, в глухомани этой, им заварку?..

Вслух думал Файзулла, дымя сигаркой

В метель шагнул из двери Данилбек...

Через дорогу - низенькая хата...

И отошла с морозным скрипом дверь,

И он вошел без стука... виновато.

Подслеповато глядя в полумглу,

Увидел он в сырой морозной стыни

На выщербленном глиняном полу

Горит, дымя, костер посередине.

И согревая пальцы бледных рук,

И обреченно не меняя позы,

Сидят детишки (четверо) вокруг.

И старшему из них - наверно, восемь.

"...Где мать с отцом" -спросил их Данилбек

Неторопливо повернулись дети.

И, глядя из-под воспаленных век,

- "На печке", - кто-то из детей ответил.

О сердце, что из плоти, замолчи!

Сама судьба - теперь у смерти в лапах...

Два тела на нетопленной печи

Лежали, издавая трупный запах.

"Когда" - и Данилбек как будто врос

В студёный пол... в невидимые путы.

И дети поняли полу вопрос:

"Отец - неделю... Мать - сегодня утром..."

Вернулся. Взял с собою Файзуллу. Лопату.

Лом... Земля - как лед...

Упрямо Долбя ее, в сарайчике, в углу,

В пол-локтя глубиной отрыли яму.

Студёный ветер в щели задувал.

Лицо пылало. Руки коченели...

"Ну... все", - устало Файзулла сказал.

Снег укрывал умерших еле-еле.

Отец неспешно ясин прочитал.

По мерзлому лицу провел руками.

Войдя в кибитку к детям, он сказал:

"А может... может вы пойдете с нами?"

Ответ безмолвный, означавший - нет!

Застыл в глазах детишек... Торопливо

Полбулки хлеба... Сахар... Данилбек

Им хмуро протянул и молчаливо,

И зарыдал, как могут лишь мужчины...

О, горе той поры, и морем слез

Не выплакать твоей и половины...

Аси легчало... Вроде смерть ушла.

С лица сходили мертвенные пятна...

А братья, Данилбек и Файзулла,

Отправились к себе домой обратно.

Шли месяцы и годы чередой...

И в час заветный (поздно или рано),

Хранимые таинственной звездой,

Вернулись мы домой из Казахстана.

Земля казахов, древняя земля,

Рахмет[16] тебе. Добра твоим аилам!..

За то, что верность доброте храня,

Нас в самый трудный час ты приютила.

Надежды год. Год пятьдесят седьмой...

Мы обрели родные пепелища.

Жильцы на нас глядели, как на нищих,

Как будто мы вернулись не домой.

Как не понять порой чужую радость.

О, воздуха земли родимой сладость,

Биенья сердца - просто не унять.

Как будто хочет выскочить оно

И покатиться, орошая травы

Горячей кровью... Сердцу не дано

С душой и телом расставаться право...

И вот прошло еще тринадцать лет...

Горячий август... Год семидесятый...

Однажды Файзулла и Данилбек...

В Урус-Мартан - купить-продать (чуть свет)

Решили ехать на базар два брата.

А Данилбек такие тапки шил

Из грубого брезента или кожи,

Что в них идущий - набирался сил,

И старики в них делались моложе...

Все выше солнце... Гомон... Суета...

Товар весь продан... Данилбек устало

Оперся на костыль: "Вот духота! Что Файзулла?..."

Домой пора... пожалуй".

Арбузов пару для детишек дома?..

Воды бы не мешало нам попить -

От зноя, как за пазухой солома..."

Лениво братья двинулись вдвоем

К большой арбе, набитой до отказа

Арбузами... Купили три... потом,

Усевшись под ореховым кустом,

Испробовать его решили сразу.

Был спел арбуз... Усталость отошла...

И в этот миг, негаданно-нежданно,

К ним женщина (лет в тридцать) подошла,

В обоих стала вглядываться странно.

"Кого ты ищешь?" - Данилбек спросил

Ее, не выдавая удивленья.

Она в ответ: "Мужчина, где ты жил

Скажи, когда мы были в выселенье?"

—Отсюда мы попали напрямиком

В Балкашкино, Акмолинская область.

А женщина: "Твой облик мне знаком.

Ты не бывал, случайно, в Богословке?"

Аси, три года в этом жил ауле.

И женщина вдруг опустила взгляд.

В глазах слеза, как золото, блеснула.

"Ва стаг[17], послушай. В Богословке той,

Коль в здравом смысле я, припоминаю,

В год сорок пятый, страшною зимой,

Ты к нам зашел... Но почему?-не знаю!"

Встал Данилбек с тревогою в глазах:

- Там были дети... Кажется, четыре?!

И прошептала женщина: "Аллах!

Все под твоей рукою в этом мире!

Да четверо!.. И живы все сейчас!

...На хлеб и сахар твой - неделю жили!

Я никогда не забывала вас...

Хоть годы незаметно проходили".

Поднялся удивленно Файзулла:

"Поистине, все ведомо Аллаху...

Скажи, не ты ль та девочка была,

Что приняла тогда и хлеб, и сахар?!"

И сам спросил: "Мать и отца ты помнишь?"

"Вы их похоронили... Столько лет Прошло...

Но эта боль мне сердце полнит!"

... Что с вами Данилбек и Файзулла?!

По шрамам проводить ножом - непросто!

Сердца, что были тверже, чем скала,

Становятся податливее воска.

Не потому ли отвернулись вы

И смотрите неведомо куда-то,...

Где в клочьях стужей выжженной травы

Смертельно проступает "сорок пятый?.."

Где заезжали в каждый двор и дом

И трупы забирали на подводах...

О сталинский Гоморра и Содом[18],

Что создан был для моего народа

И для других... Но есть конец всему:

И злу, и добродетели, и сказу...

То, что подвластно сердцу и уму,

Душою постигается не сразу...

Что стоил в те года и хлеб, и сахар...

Уже к концу подходит мой рассказ,

Точнее, был... Все ведомо Аллаху!

Мучительная память, нас веди

В былое, все, что было, вспоминая...

У Файзуллы рыдала на груди,

Прикрыв лицо, чеченка молодая.

Садилось солнце. Где-то вдалеке

Бесшумно пролетела птичья стая...

У женщины искрились на щеке

Слезинка, словно капля золотая.

В той капле было все: печаль и боль,

И незабвенье прошлого, и радость...

И к ближнему священная любовь,

И звездный райский свет, и пламя ада.

Свою судьбу менять - нам не дано.

И к сроку жизни, как на переправе,

Мгновенье не прибавим ни одно,

И ни одно мгновенье не убавим.

Мы в этот мир приходим только раз.

И смерть застанет каждого из нас

Лишь там, где суждено... по воле Бога!

ГРОЗНЫЙ НА ЗАРЕ

Ты встаешь из мучительной комы,

Восстаешь из золы и огня,

Незнакомый... до боли знакомый...

И угрюмо глядишь на меня,

Пустотой над глазницами окон

И обвалами рухнувших стен,

Заживающей раной глубокой

И еще не зажившей нигде.

Вот сирень... у невзорванной мины...

А куда ей деваться?.. Куда?!

Я тебя, чтобы выжить, покинул,

Но, клянусь, не предам никогда.

Город Грозный - и страшный, и странный,

Призрак тени, ушедшей во мглу,

Как корабль, что в печали туманной

Напоролся в ночи на скалу.

Город Грозный - и странный, и страшный,

Сотни тысяч надгробных камней...

Этой жуткой трагедии стражи

Отраженья умерших огней...

От людского коварства тупея...

И от хищного звона монет,

Ты, порою, похож на Помпею...

Только рядом Везувия нет...

Нам с тобой не до вечного Рима,

Как теперь и ему не до нас...

Ты похож на актера без грима,

Под прицелами тысячи глаз...

Луч скользнул по бетонному краю.

Все острее рассветная боль...

Неужели ты, Грозный, играешь

В своей жизни последнюю роль?!

Нет не верю ни злу, ни измене...

Не желаю смиряться с судьбой...

Видишь, Грозный, встаю на колени

Перед (может) убитым... тобой!

РОССИЯ

Великая, мятежная страна,

Греха и добродетелей причина...

До водородной бомбы - от лучины...

И вечный мир, и вечная война.

В истории хмельных и бражных смут

Ты каждый миг жила надеждой дикой,

В порывах то ничтожных, то великих,

Однажды что века тебя поймут.

Сквозь горький смех с улыбкою рыдать

Не раз тебе, наверно, приходилось,

Когда судьба, сменяя гнев на милость,

Тебя Иуде вздумала продать.

Бесчестье исповедуя... и честь,

Сводя от гнева каменные скулы,

От черных бань до пьяного загула,

Ты вся была такой, какая есть...

Премудрость Мономаха и Петра,

Свирепость Иоанна... доля злая

Планиды, что досталось Николаю

И чистой ты бывала... искони...

В желанье даже мухи не обидеть...

Когда шептала дьяволу: "Изыди!",

А Господу: "Спаси и сохрани!"

И он спасал... Но грех твой был велик

За сыновей твоих, убитых слепо...

Как венценосных Дмитрия и Глеба...

За царский трон, за бунт, за корку хлеба,

За право быть собой под вечным небом..

В распятом храме за иконный лик...

Уэллсом нареченная "... во мгле",

В добро и зло распахивая двери,

Была не самой лучшей из империй,

Когда-то пребывавших на земле...

Не у тебя ль ожоговым пятном

Лежит Чечня на краешке ладони,

Незалечимой болью в каждом стоне,

Трагичной явью и кошмарным сном.

И мы, чеченцы, граждане твои,

Попали под разгневанную руку...

Ну словно были мы тебе ничьи.

Мы граждане, притом твои вполне,

Попали под разгневанную руку

Твою... Война ворвалась к нам без стука,

Чтоб преподать судьбы слепой науку...

И не по нашей, видит Бог, вине!

Порой, наивно может, невпопад,

Мы жили, как и все, тревогой мира,

Сонетами великого Шекспира

На наш, чеченский, восторгаясь лад.

И в пику вся, наперекор всему,

Читали Блока, верили Толстому

(Дюма-отец в Чечне бывал - как дома!)...

И неопровержимой аксиомой

Воздать старались должное уму...

Третьейских много было так судей...

Поверьте нам (и без сомненья тени!),

Что гений был для нас - конечно, гений,

Ну а злодей, конечно, был - злодей.

А наш девиз - за совесть, не за страх! -

Как жаль, что мы разменной стали картой

В нечистых политических руках...

Тебя "умом" - быть может - "не понять",

"Аршином общим"-может-"не измерить".

Но если мы тебе не станем верить,

За что и на кого тебе понять?!

От помыслов благих не меньше зла,

Чем от тупого лезвия кинжала...

Ты матерью почти нам стать могла,

Но почему-то мачехою стала!

ВЕРЛИБР

Мне снилось: по миру с сумою я бреду,

Прошу у всех дверей любовь, добро и совесть...

Как щедро люди подают добро, любовь и совесть,

Слишком щедро, не жалея отдаваемое.

Немного труднее и щепетильнее они расстаются

С деньгами, страстью и ненавистью друг к другу.

О люди, как безумно вы щедры,

Легко готовые расстаться с вашей совестью,

И что вы оставляете себе

Из этих трех богатств души!?

Наверно, только крохи от каждого из них.

И не останется когда-нибудь в душе у вас

Совсем любви, добра и совести.

А может, лучше умереть, чем дожить до этого?!

Любите ближнего, чтобы любовь в сердцах у вас осталась.

Добро творите, чтоб не иссяк его родник.

И пусть в сердцах у вас сияет незакатно

Священной совести горящая звезда...

И Миру - вечно жить!

Я собирал счастливые минуты

В надежды золотое портмоне...

Но "штурмовик", пикирующий круто,

К минутам этим путь отрезал мне.

Я собирал счастливые мгновенья

В ладонь полурастерзанного дня...

Но грозным лязгом танковые звенья

Мгновения забрали у меня.

Я собирал... и жалобы, и стоны

Так мчится в пропасть по крутому склону

Поток грозы - один среди других.

Судьба моя, чего так смотришь люто...

Вокруг так много смерти и огня...

И стоны, и мгновенья, и минуты

Уместятся ли в сердце у меня?!

СУМЕРКИ ДУШИ

Свадьба похорон.

Бьют со всех сторон.

От стрельбы расколот ночью сон.

Хриплый крик ворон.

Слезы или стон.

И на блок-постах стоит ОМОН.

Редкий пешеход...

В серый небосвод

БТР нацелил пулемет.

В лужах первый лед,

Словно дым. Восход

Над разбитым городом встает.

Как и почему?

Что отвечу я? Да и кому?

Посох свой возьму

И уйду во тьму,

Верный только Богу одному.

Что и как понять?

На кого пенять?

И кого теперь на помощь звать?

Некому подать

Руку... и пожать,

О тоске горючей рассказать.

Онемел вокзал. Видно, он устал

И свою судьбу перелистал.

Стольких он встречал,

Грустно провожал.

Потому и молчаливым стал.

Сердце — как в огне.

Что-то грустно мне,

Думать о родимой стороне.

Часто я во сне,

Словно при луне,

Так вот и живу.

Сон ли наяву?

Как вода стоячая во рву.

В гости позову

Черную сову...

Сяду на пожухлую траву.

Мой стеклянный дом

Выстроен с трудом

Из стихов... тревожусь об одном,

Что его гуртом

Обрекут на слом

Наших дней Гоморра и Содом.

От судьбы ключи...

В пламени свечи.

Можно отковать из них мечи.

Пушки бьют в ночи.

Сердце, не стучи.

Муза, слышишь, лучше помолчи.

КОРАН

Твоя магическая сила

И. Бунин

Когда душеспасительный "Покой, -

Как вещий Блок сказал, - нам только снится",

Я прикасаюсь трепетной рукой

К твоим полумифическим страницам.

И призрачно встают передо мной

Следы Христа на каменистых тропах...

И в жизненном ковчеге древний Ной

В пучинах вод всемирного потопа.

И мнится различимое с трудом,

Суровым очищеньем от химеры,

Как льется на Гоморру и Содом

Потоками расплавленная сера...

События... величья... имена...

И время, что подобно метеору...

Как памяти седые письма...

Псалтырь Давида,.. Моисея Тора,

И тайны, тайны... ждавшие века,

Как сердце ждет божественные звуки...

В двадцатом веке гении науки.

Любая фраза - века бытия,

Любое слово - тяжкий символ века...

Все для Востока - от Алиф до Я,

Для Запада - от Альфа до Омега.

Ты, словно луч, сияющий во мгле,

И светлое божественное кредо

Ниспосланного Богом - на Земле -

Последнего пророка Мухаммеда.

Для праведников - ты единый путь,

Для грешников - из мглы дорога к свету.

Мне думается, что когда-нибудь,

Ты станешь конституцией планеты!

Мы души от греха освободим

И верою свои сердца украсим...

Коран, в священной этой ипостаси

Ты человечеству необходим!

Поэтому когда уже! "Покой, -

Как вещий Блок сказал, - нам только снится",

К твоим полумифическим страницам

РУСЬ

Интересная держава,

Как чего - так сразу пить,

И поспешна на расправу,

Как чего - так сразу бить,

И, конечно, не в ответе

За других "Империй зла"...

Ни одна страна на свете

Столь безбожной не была.

Злобной птицей - Симиургом -

У судьбы была в гостях...

Возводила "Петрбурги"

На крови и на костях.

Мудролика Держава

Помнит "Игоря полки"...

Время скорби, годы славы,

Пору гнева и тоски...

Сколько раз рождался гений

Блок... Цветаева... Есенин...

Пушкин... Тютчев... и Толстой.

Русь была... потом Россия...

И взошел из бездны вод

Над языческою силой

Православия оплот.

"Непонятная Держава"...

Тютчев так и написал...

Смертным скрипом петель ржавых

Твой Апостол воскресал...

Император Петр слезно

Сына верным быть просил...

А Иван-то... помнишь... Грозный,

Сына посохом убил.

И в избытке гордой силы,

За витком пройдя виток,

Ты в себе соединила

Полузапад и Восток.

Рима третьего Держава,

Оставляя веру впрок,

От своих слепых дорог.

То из самой "преисподней",

То из "Рая" на Земле,

Ты, Россия, и сегодня

По Роллану - вся "во мгле"!

Стань могучим, добрым царством

Между миром и войной,

Но не "русским" государством,

А Российской страной...

Неуемная Держава,

Ты народы собрала

Под крылатой тенью славы

Двуглового Орла...

Ожидая, что "исчезнет"

На планете "ложь и грусть",

Зазвучат другие песни...

Может быть... Но только пусть

Каждый день, тобой что прожит

Будет лучше, чем вчера...

И тебе Господь поможет

ЧЕЧЕНСКОЙ ЖЕНЩИНЕ

Липо Ахметовой из

с. Новый-Шарой

с уважением посвящается

Нелегкую затрагиваю тему...

Настаивает долг... и потому

Тебе решаюсь посвятить поэму

По скромному уменью своему.

Чтоб о тебе, прошедшей лед и пламя,

Сказать попытаюсь должное воздать

Простыми и понятными словами,

Большим талантом надо обладать.

Но светлая надежда на удачу,

Наперекор обманчивой судьбе

Мне облегчает трудную задачу

На звездно-поэтической тропе.

И погружаясь мысленно во время,

Покрытое забвения травой,

Чеченка, ясно вижу образ твой...

В убогой сакле, сложенной из камня

У диких горных рек на берегу,

Растила наших предков ты веками

(Потомки, мы - перед тобой в долгу).

И, верность долгу сохраняя свято,

В судьбе, пылавшей огненным кольцом,

В час испытанья ты вставала рядом

С сынами, мужем, братом и отцом.

Оглохшая от грохота и гула,

Ты видела в дыму родной земли

Горящие чеченские аулы

И как угрюмо кладбища росли...

Смерть поднимала горе полным кубком.

Швырнув на землю свой кровавый меч.

А ты смогла, сумела, в сердце хрупком

Любовь потомков к родине сберечь.

Куда судьба тебя бы не бросала...

В Канаду... Иорданию... Везде

Отчизне предков верность сохраняла

Как жернова, стирали память годы...

Все муки ада пережить пришлось.

Но молоху фатального исхода

Твой гордый дух сломить не удалось.

Перетерпев и все, и вся на свете,

Под сердцем сохраняя жизни нить,

Ты умирала, чтобы жили дети,

И выживала, чтобы их растить...

Оглохшая от грохота и гула,

Ты видела, от всех утрат седа,

Сожженные чеченские аулы

И мрачные в руинах города.

И трогала (орлицею бескрылой),

Платок судьбы надвинув до бровей,

Еще травой не скрытые могилы

Погибших дочерей и сыновей...

А уходила (в сердце горя камень!),

От слез не видя ничего в дали,

Поправив тихо холмики земли...

От горя онемевшими руками.

Ты и сегодня, верная надежде,

Нелегким испытаниям назло,

С таким уменьем даришь, как и прежде,

Родным и близким радость и тепло.

Перед тобою голову склоняю,

Мой идеал и света, и добра,

Чеченка, женщина моя родная -

И мать, и дочь, супруга и сестра.

Не отвергая скромный труд поэта

(Ведь ты причастна и к моей судьбе),

Прими от нас, мужчин, поэму эту,

Как символ благодарности тебе.

Не рассуждая о наградах разных,

Хочу сказать на языке простом:

"Ты заслужила памятник алмазный

На постаменте-только золотом!" ЭСТАФЕТА ЖИЗНИ

У женщины своя крутая доля,

Что не познать мужчинам никогда -

Нести и в муках радости и боли

Потом баюкать в сонной колыбели

Мечты на детства светлом берегу...

О материнство женщин, в самом деле,

Мы в неоплатном у тебя долгу.

В конечном счете, в жизни все изменно...

Слова - как воск у времени в руках.

Но слово Мать - всегда священно

На всех земных различных языках.

И держится в весеннем перезвоне

Наш мир в кипенье радости и мук

Не на слонах, а в ласковых ладонях

Таких всеильных... нежных женских рук.

Я ПОМНЮ

К чему высокопарность речи,

Где за столом угар хмельной...

И я был тоже искалечен

Ножом войны очередной.

Я помню, как горели села

Вот потому я невеселый

И не люблю кровавых драк.

Я помню памятью безликой

(За кругом круг - вокруг села),

Как женщина с улыбкой дикой

Ребенка мертвого несла.

Не спорьте! Видел сам. Оставьте!

Увидеть вновь не будет сил

Уже истлевшие останки

Снарядом взорванных могил.

Вполне заслуженной расплатой

Кого, скажите мне, винить,

Что умерших давно когда-то,

Вновь приходилось хоронить?!

Мой Отчий край, душа устала...

Но будут жить в стихах моих

Твои истерзанные скалы

И раны каменные их...

Я помню, помню... залпы "града"

И тишь сожженного села...

И целый год со мною шла!

Я ДУМАЛ

Я думал, что этап мой главный прожит,

Пора настала складывать крыла...

Но ты, на двадцать лет меня моложе,

По воле Бога в жизнь мою вошла.

Как мореходы открывают страны,

Тебя искал я много дней подряд...

И мне в душе залечивает раны

Твой звонкий голос и зовущий взгляд.

И вот, уже... за ласковой строкою -

Сияньем рифм отточенный булат...

Твоя звезда мне не дает покоя,

Как золотой или алмазный клад.

Чиста, как ангел, в Бога веришь свято.

Твоей судьбе не быть в чужих руках...

Уверен, что тебя не надо прятать

Ни под замком в земле, ни в облаках!

Всему и всем ясна твоя цена...

Растлению страшна, как черту ладан.

Всевышнему и мужу ты верна.

Когда вокруг продажность и измена

И женятся в "расчет", а не любя,

Мне отыскать иголку в стоге сена,

Наверно, было легче, чем тебя.

Здесь не причем друзья, советы... сваха...

Я сам тебя искал, по мере сил...

И благодарен, словно раб, Аллаху,

За то, что для меня тебя хранил!

Я передумал становиться старым.

Да!.. Дни мелькают, время торопя...

Мне кажется, что пролетели даром

Те двадцать лет, что жил я без тебя!

* * *

Я умираю каждый вечер

И оживаю с каждым утром...

Я сам с тобой наметил встречу

Без неких тайн индийских йогов

И хитрых фокусов факиров,

Я постигаю понемногу

Упрятанные тайны мира.

Но трижды тридцать раз секретом,

Непостижимо-непонятым,

Тебя, сияньем мглы и света,

Вернула память мне обратно.

Вернула скаречно, по крохам,

Почти безжалостно и нежно,

От сожаления и вздоха

До слов утраченных поспешно.

Но дымкою по краю леса,

Как дни календаря листая,

Все исчезает за завесой,

Что жизнью все мы называем.

Веду рискованно игру

С судьбой, пока я не устану!..

Когда-то вечером умру.

Когда-то утром не восстану!

Я от века несу в своих крепких ладонях

Многотрудным путем восхождения пот...

От недоброй судьбы и кандального звона

Из былого в сегодня начало берет.

Мне знакомы и лемех, и молота тяжесть.

Камни всех мостовых эти руки несли.

Вы спросите у жизни - она вам расскажет,

Что и хлеб я, и соль, и основа земли...

Умирал на крестах, раскорчевывал поле,

Из земли добывал я и хлеб, и руду,

Восставал... и, растоптанный, корчился в боли,

Чтоб... подняться в семнадцатом грозном году.

Я живу продолжения жизни во имя,

Мне дороги прокладывать в новый рассвет...

Пусть искания будут всегда молодыми,

А надежды огонь - до скончания лет.

Мне судьбою дано - а ее не обходят -

Этот мир созиданья растить и беречь...

Не с моих ли рабочих натруженных плеч?

От земли принимающий силу для взлета,

Приближая грядущего светлого час,

Я - с названием, взятым от слова работа,

Создающий судьбу, атакующий класс!

ОТЧИЗНЕ-СССР

Твой путь отмечен временем крылатым,

Эпоха по тебе сверяет шаг. Твой путь,

Отчизна, словно путь солдата,

В труде, в походах, в пламени атак.

Ты вся моя, страна моя родная,

Чеченец я, твоим теплом согрет,

И я в рассветы гулкие шагаю,

По небу рассыпая звездный свет.

В одну семью и малых и великих

Ты нас по матерински собрала.

И песня жизни - гимн многоязыкий -

Звенит, как символ света и тепла.

И слиты мы с тобою воедино

И наши судьбы — твой полет орлиный,

Твоих дерзаний трудовой размах.

Ты лишь одна, и я тебе внимаю.

С тобой мне все дороги по плечу.

Ты вся моя - от края и до края,

И я другой Отчизны не хочу.

ИСТОК

Не ворошите старые могилы.

Они чреваты новою бедой.

Вас. Федеров

Нет, не все еще схвачено времени пристальным взглядом,

Неизбывною болью суровых утрат и потерь.

Думы целого мира вмещает не лоб, а громада:

Человек у истоков Отчизны моей - СССР.

С умным прищуром глаз, коренастый и среднего роста,

Он встает, и сигнала... "Авроры" орудия ждут.

И надежда, и жизнь понимается ясно и просто:

Равноправие, Братство, Свобода и Счастье, и Труд.

Подается вперед сквозь стремительный времени бег,
И в него, как в форштевень эпохи, бушующим шквалом
Миллионами судеб вгрызается яростно век.

И уходят слова, словно пули, по огненным строкам,
Революции зовом уходят в легенду полки.

Постигается мир человеком простым, не пророком,
И касается вечность в дали простертой руки.

Век двадцатый. Семнадцатый год. Революции зори
Восходят над Зимним и новый рождается мир -
Изначальный рубеж моего государства... История
Начинается там, где рассветы встречает Симбирск.

Баррикады Москвы. Петрограда седые рассветы,
В небе синем над Смольным звезда зарева дрожит...

Коммунизма эпоха, именем памяти светлой
Расскажи мне о Нем, о великой Мечте расскажи.

Расскажи, как на площади Красной в молчанье глубоком

У задумчивых стен и у каменных башен Кремля

Живым, разноликим и разноязыким потоком

В тени мавзолейной безмолвно проходит Земля.

И замерла вечность в знаменах мерцанием алым.

И в него, как в форштевень эпохи, бушующим шквалом

Судьбой миллионов вгрызается яростно век.

ИСПОВЕДЬ ВЕТЕРАНА

Устал я, как последняя собака,

Как будто здесь не день мы, а века.

В который раз в последнюю атаку

Нас поднимает командир полка.

Он - капитан и заменил майора,

Убитого осколком наповал,

Вчера, когда за тем вот косогором

Он так же нас в атаку поднимал.

И вроде сил ни капли не осталось,

И кажется, что сразу же умру,

Коль поднимусь...Но капитан устало

Расстёгивает снова кобуру...

"За Родину!" - а с двух сторон болото.

И командир - в руке ТТ - встаёт...

Одно название... три неполных роты.

Два ПТР... гранаты... пулемёт...

За Родину... Надежда, страх и совесть

В двух тех словах была заключена...

За жизнь платили мы ценою крови,

И жизни - жизнь сама была цена...

Не думали тогда мы, не гадали,

Что нам придётся это забывать,

Что ордена мы наши и медали

За хлеб насущный будем продавать...

Бессонными, горючими ночами

Мне это снится сорок восемь лет...

Атака... и прострелянное знамя...

В руке у капитана пистолет...

Мне ничего рассказывать не надо

Про честь и совесть... Познано сполна.

Базарный хлам, военные награды

Медали боевые, ордена.

И в море нестроенного быта,

Когда в цене дешёвые рубли,

Живых потомков просим мы открыто:

"Простите!.. Мы без хлеба не могли!"

Ответьте нам: а наша ли вина,

Что мы от сердца с болью отрывая,

И как бы раны старые вскрывая,

На хлеб меняем наши ордена?

К исходу дней я не могу быть лживым.

Вот-вот сорвётся вниз судьбы звезда...

Но с памятью своей, пока мы живы,

Расстаться мы не сможем никогда!

ИСПОВЕДЬ СТАРОГО КОММУНИСТА

Чего-то в жизни не хватать нам стало.

Да! Не всегда судьба благоволит...

Умы не сами сходят с пьедесталов.

Мы их свергаем, а душа болит.

Своей судьбой обманутые дети,

Не разбирая ни имён, ни лиц,

Мы заодно сметаем Тех и Этих

С великих исторических страниц.

Ошибки наши горьких бед отраву

Немало принесли и принесут!

Вершить над ними свой Третейский суд?!

Сказал поэт (есть в этой фразе сила),

Отмеченный лирической звездой:

"Не ворошите старые могилы.

Они чреватые новою бедой!"[19]

Но, как ни жаль, умнее мы не стали,

Эпоху, ненавидя и любя,

В угаре политических баталий

Крушим титанов... С ними - и себя...

Мне видится - из пламенного круга,

С такой надеждой, глядя сквозь века,

Он, Ленин, нам протягивает руку

И произносит речь с броневика.

Да! Волен каждый, верить и не верить

Ему, его соратникам и... нам!

Но кто сегодня сможет в полной мере

Расставить всё былое по местам

И отличить в руинах павшей Трои,

Давно почившей в пепле и золе,

Пророка от надуманных героев,

А гении - всегда приходят рано,
Их только Богу и дано понять.
Как им под эпохальным ураганом
Обычным смертным, нам, не устоять!

Я говорю и просто, и понятно:
Нет никого бездушнее и злей
Тех, кто решил искать на солнце пятна,
Кивая головой на мавзолей.

Да им вся жизнь - дорога через скалы
Или - почти непроходимый лес...
Для безыдейных - нету идеала.
У них - лишь меркантильный интерес.

Всё на "своя" опять вернётся "круги".
Историю - не делают с плеча...
Ошибки?! Может, были... А заслуги,
Которых не отнять у Ильича?!

И пусть знакомых бюстов и портретов
Нет в суете сегодняшнего дня -
Он с моего партийного билета
С улыбкой доброй смотрит на меня.

И потому я отвечаю дошлым

Под частым словоблудия дождём,

Что Ленин - это свет (хотя и в прошлом),

И для меня останется вождём!

АТАКА

Крутим землю локтями...

От себя, от себя.

В. Высоцкий

Крутят землю все бешеной кони...

И поет сабель звонкая сталь.

Полусотня бойцов в эскадроне...

Набегает стремительно даль.

И вопрос разрешенья дилеммы

Всех идей - до священности прост:

На матерчатых выцветших шлемах

Полусотня матерчатых звезд.

Трудной данью высокой минуте,

Принимая судьбу на себя,

Кони землю все бешеной крутят,

И в порыве заходится сердце.

Птицей огненной флаг на древке.

И... за каждой душой - по бессмертью

И по солнцу - на каждом клинке.

ПРАВО

У коммуниста есть одно из прав,

Назначенных ему самой судьбою, -

Идти в атаку первым, смерть поправ,

И покидать последним поле боя...

И в грозный час бессмертья, жизнь любя,

Не отступив, исполнив долг солдата,

Оставить для врагов и для себя

Последнюю... бесценную фанату...

У коммуниста есть одно из прав -

Вести бойцов в последнюю атаку,

Домой живым вернуться и, припав

К родной земле, в пилотку скупно плакать.

Войну закончив, отдых забывать,

Поднять страну из голода, разрухи.

This version of Total Doc Converter is unregistered.

Голодным детям просто отдавать,

Как долю жизни, хлеба полкраюхи.

У коммуниста есть одно из прав -

Рвануться в космос первым на планете,

Тропу непроторенную избрав,

Шагать вперед и быть за все в ответе.